

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Поэт, переводчик с английского, немецкого и французского языков, также переводит русскую поэзию на английский (Александр Миронов и др.). Автор стихотворных книг «Темнота бела» (М., Арго-Риск, 2009), «Стихотворения» (М., Новое Литературное Обозрение, 2011; шорт-лист премии Андрея Белого, 2011), *Live By Fire* (в переводе на английский, New Zealand, Cold Hub Press, 2011). Стихотворения публиковались в журналах «Воздух», «Дружба народов», «Нева», «Волга», в сетевых литературных проектах «TextOnly» и «РЕЦ», в переводах на английский — в журналах «World Literature Today» (США), «Cyphers» (Ирландия), «Saint Petersburg Review» (США), «Ryga Journal» (Канада), «Diverse Voices Quarterly» (США), «Fogged Clarity» (США), «Action Yes» (США), «The Straddler» (США), «The New Formalist» (США), «Otis Nebula» (США) и др. Лауреат премии «Дебют» (2012, номинация «Поэзия»). Живет в Санкт-Петербурге.
ISBN9785871352311

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 59

ISBN 9785871352311

Издание осуществлено при поддержке фонда «Поколение» и литературной премии «Дебют»

© А. Порвин, 2013
© ИНАПРЕСС, оформление, 2013

Алексей Порвин

СОЛНЦЕ ПОДРОБНОГО РЕБРА

Книга стихотворений

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Поэт, переводчик с английского, немецкого и французского языков, также переводит русскую поэзию на английский (Александр Миронов и др.). Автор стихотворных книг «Темнота бела» (М., Арго-Риск, 2009), «Стихотворения» (М., Новое Литературное Обозрение, 2011; шорт-лист премии Андрея Белого, 2011), Live By Fire (в переводе на английский, New Zealand, Cold Hub Press, 2011). Стихотворения публиковались в журналах «Воздух», «Дружба народов», «Нева», «Волга», в сетевых литературных проектах «TextOnly» и «РЕЦ», в переводах на английский — в журналах «World Literature Today» (США), «Cyphers» (Ирландия), «Saint Petersburg Review» (США), «Ryga Journal» (Канада), «Diverse Voices Quarterly» (США), «Fogged Clarity» (США), «Action Yes» (США), «The Straddler» (США), «The New Formalist» (США), «Otis Nebula» (США) и др. Лауреат премии «Дебют» (2012, номинация «Поэзия»). Живет в Санкт-Петербурге.

*ДОЖИДАТЬСЯ ЕСЛИ ПРАВИЛЬНЫХ МОРЕЙ
МОЖНО СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ ПРОВОРОНИТЬ
ПУСТЬ ЛОДКИ ПРОПЛЫВУТ ЧУТЬ СЛЫШНЕЙ
О ЗВУКОВОМ БЫЛОМ УРОНЕ*

*ПОСПЕШАЮТ ЛОДКИ БЕРЕГ ЖДЁТ И ЖДЁТ
СКОРО БУДЕТ ПОЛДЕНЬ ДОСТРОЕН
СОЛЁНЫЙ ВЕТЕР ВЕРХНИХ ЧАСТОТ
НА ЯЗЫКЕ ТАК МНОГОСЛОЕН*

*ПОЛУКРУЖЬЕ КОРАБЕЛЬНОГО РЕБРА
ЭТО ЛИ РАССКАЗ НЕПОДРОБНЫЙ
О СОЛНЦЕ ВРЕМЕННОГО НУТРА
О ЧИСТОТЕ ЗЕМНОЙ И НЕБНОЙ*

*ДЛЯ КОНСТРУКЦИИ СТРЕМЛЕНИЯ ТВОЕГО
ПРОЧИЕ ОТЫЩЕШЬ ДЕТАЛИ
ПРИХЛЫНЕТ К ДНЯМ ПРЕДМЕТОВ РОДСТВО
ВОЛНА С ДУШОЮ ВЕРТИКАЛИ*

ДОЖИДАТЬСЯ ЕСЛИ ПРАВИЛЬНЫХ МОРЕЙ

Плачешь, звучная сила,
а мальчик с девочкой смеются: *вода*.
Пространство жаждой схватило –
в слово перешедшие года.

Волю летнего смеха
зальёшь до самого верха,
где облака (молчанье наше пронзив)
видят: к небу близится залив...

Ёмкость детского визга
заполнив берегом, сиренью, грозой –
дольёшь повисший ветвисто
шорох сада, к донной мгле глухой –

шорох дня в разговоре,
забравший ближнее море –
душой побыть и плотью сказанных лет,
прожитых, как облако – сквозь свет.

Участь будет прибрежным краем,
неназванной землёю ничьей:
мы время – для других оставляем,
здешний чистый звук прожить – трудней.

Что осталось душе в просторе,
где пограничный грохот иссяк?
Река впадает в мирное море,
в мысли про неповторимый мрак.

Выбрать берег невыразимей
(последней темнотой отражён) –
в реке живёт толпа топонимий,
тысяча не сказанных имён.

Выбрать берег неизреченней
(вдали от слишком внятных застав)
за чтением нескучных течений
отдельные плески скоротав.

В ГОРАХ

Опоры железные возводят;
а в далёкой вспышке/восходе
тайным трудом начинаемся мы:
в детей молчим боязнию зимы.

Когда под шагами слишком гулко,
всякий построит мосты, прозорлив:
шелестит ребячья прогулка,
а рядом гаснет горный обрыв.

Пожухлой погодой – что увидим?
Сварка неспешно слепит голоса.
Всё по силам – огненным нитям,
а всё же – оторвётся гроза...

Приладку обереганий к детям –
утаим, в лучах засекретим;
душу к погоде крепить – не впервой,
лиственной займёмся новой, живой.

ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕОРИИ АДА

Криком продлиться – и даже
бремя навсегда переложить,
вернув кислород не смятенный:
всё под силу – сказанным рычагам.

Лучше до утра остаться –
певчим воспаряющим теньком;
прощенье предстало заменой,
прокричал про это ли – берегам?

Ветер на вертельных прутьях,
названных в неточном языке
июльской садовой оградой
вдоль дороги к дальнему озерцу –

ветер вращается в *жаре*,
на себя ответственность приняв
за фразы прохлады пернатой,
за ничью крылатую хрипотцу.

Прошедший холод сберегаешь в звучном виде
(заглушающий всех – приходит май)
Что временам просить у фразы?
Всё застит утро духоты.

На берегу толпятся, нежность не увидев
водопойную, где притихший конь
глотк*а*ми – голос замещает
(вот смыслы для речной воды).

(Многообразие с людского испаряя
мельтешения, названного днём –
приходит жар, собой молчащий,
и просит у тебя огня?)

А у тебя – лишь вьюга слёзная, сырая:
от весеннего времени упрячь
её в слова про вечный шорох
реки, целующей коня.

ОБНАЖЕНИЕ

Летит слезящийся свет в глазу
над молчаньем всего, над словами:
так долго видят девушки внизу
ужас воды, притиснутой льдами...

Побить не всяким лучом спеша,
сомненьем выбирая виражи:
лишь зазябшим, от скорости – ломким
(льдиной едва касается кромки).

Лучи, обёрнутые речной
глубиной – не замёрзнут вовеки,
а эти – в обнажённости двойной –
ломче ветвей в подуманном снеге.

А с этих снято: земной полёт
и ожиданье жизни, что идёт
не спеша – так влюблённые пары
движутся вдоль речного кошмара.

Косьба травы вокруг надгробий
прозвенела устойчивым голоском:
звук зачем нашёл на камень?
Успели что подумать – лучи?

(Письма всё нет, а ты – не сетуй,
к воссиявшему озеру проходя;
в щель кладбищенской ограды
измятый образ дня – получи).

Суждение рассвета – зыбко,
но твоим ожиданием защищай -
фразы ненадёжных истин,
pronзивших тень в мошкарном нытье.

Ложатся все, кто отказался
вертикальное мнение отстоять;
в травный разговор встречается
коса, перекричав бытие.

Не всякие матерьялы уютны –
для детства черных птиц
(пророчествам не годится ветошь,
представшая лучом на столбу).

О выборе помолчи, предосенний
раскат, когда вдали
просветами привечает вечер
лишь тех, кто не бросает ходьбу.

Где тряпочки выбирает ворона,
словам о чем жалеть?
Приглянутся – и гнездом побудут,
всё лучше, чем стремиться в дожди.

Проходим по тропинке проташен
промокший разговор;
на ельнике – лоскутки повисли,
не пожелали дальше идти.

Пусть неизбежность (или рассвет?)
деревьям выскажет: выбора нет
зря – водой набрякли,
существами будут навряд ли;

не станут рыбой – ветви и шум
как в лучах ни бейся,
людьми – всё нужное нынче свершу
(вот машина в медленном рейсе);

я выключу дрожащий ручей
рукой водительской: хватит огней
и глубин, искрящих
отраженным помыслом в чащах...

кусты в автомобильных лучах
плещутся по-рыбьи,
но не умолкнут, когда сгоряча
из-под них течение выбью.

Под шумок кошачьих снов –
нагревается дощатый свет;
к старым деревьям тебе не нужно –
там голод вызрел под запах смол.

Кто приставлен к нашим дням?
Без присмотра звук – опять сбежит
вместе с друзьями теней садовых:
туда, где виден бесхлебный ствол.

Люди вышли погулять:
кто приставлен к жаркому котлу?
Варево августовское поспешно
своей неожиданной тоской – пригубь.

Кошка в солнечном пятне
недовольно дёргает хвостом,
славно размешивая террасный
нагретый треск, загустевший вглубь.

Хоть светлый, хоть зверский холод –
любые миры даёт январь
(пусть с благими существами сближенье
будет не столь предметным, заря).

Пусть фраза навек присвоит
уменья животных и богов;
люди зря сегодня вышли из дому,
признаки мрака в душу беря.

Пусть фраза рычит, кусаясь,
по небу полуночи бредёт;
здешним утром – делать что человеку?
Выбор – донельзя – жизненный – прост .

Звонящей заплечной вьюгой
крылатеть на ангельский манер,
бивнем ротового пара дырывать
время до первых северных звёзд.

Живущий в пучинном посёлке –
грусти ушедшей суетой;
до поры не сыщется благозвучий,
выбранных вместо пути.

Мелеет металлический отсвет,
на дне – малоэтажный шум:
здесь под вечер дышится веселее
слову в его беготне.

Овечий сбивается сумрак
в стада, стучащие в металл;
глубина молчания человеческой
будет неясно когда...

Звериней становятся броды
(бесстыж сельского ил)
под ветрами плещется алюминий
в небо втекающих крыш.

ОЖИДАНИЮ ВЕСНЫ

Ты – новое среди мирозданий
и задача – сиять неустанной
по привычке говоримых звезд
(до поры, пока теплота не съест).

Дворы кричат, смеются и плачут;
кажется, озябли твои творцы
(а для взрослого слова – что значит
в снеге спрятанный исток грязи?)

Здесь не бывает лишних вселенных;
детвора проползет на коленях
все пространства, снежный день лепя,
лишь бы в белизне воплощать тебя.

Успокоенье ищут в подбоях;
снежные обкатывая шары,
налепили планет белолобых –
детские февральские дворы.

МОЖНО СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ ПРОВОРНИТЬ

В деревьях павших растёт
сумрак – это ли странно,
когда отсыревший закат
засевали из фразы?

Беззвучно всякий предмет
смотрит в нашу работу;
где чувству не дан цельнозём,
там бессмертье – не сразу.

А кто таким временам
скажет звук – про лопату?
Орудья земельных работ –
всё страшнее и глуше...

Труха в полуденных пнях –
всякой почвы рыхлее:
замолчан старательный плуг,
ужасающий душу.

Во тьме – от чего защищаться?
Гремят бубенчики огня.
Молчание не дышат от страха,
а мы говорим – нам всё равно.

Причина веселья весома:
нам космос – вряд ли западня;
среди себя ужели бывало
душе балагурящей – темно?

Как дышится сельской собаке
в скафандре лая своего
среди пиротехнических вспышек,
сместивших комету и звезду?

Пусть люди почувствуют праздник,
где космос – это шутовство,
пригодное для всякого вдоха,
поднявшего нас на высоту.

Наши боги честнее,
а действие – чей кумир вековой?
На *полах* новенькой ничьей затеи –
выткан рисунок временной.

(Свет предстал негодяем,
все чувства в былую пыль – пережѐг)
тебе – усилие своё вручаем,
небушко, ты ведь – уютюжок.

(Свет намеренно выдал
избытки тепла, когда приступил
к работе, названной *молчащий идол* –
видно, набрался наших сил)

В гладкость строгую канем,
хотя твой горячий бег неуклюж:
на ожидании с узором тканым –
складочку грусти проутюжь.

СНЕГОПАД

Сугроб, ты – обобщенье выстрелов
белизны, нацеленной на звук
(горсточка пальбы размягчилась
от людского тепла).

А фразы верно нынче выбрали –
не смотреть в источники войны:
кто спасётся облачным гулом,
голосками жерла?

Затих пейзаж, напрасно сдавшийся
(хорошо, что люди – не пейзаж)
Что нутро войны? Потеплевший
ручейковый пустяк.

Затихло всё, лишь длится пульсовый
переход атаки в мирный свет
(таянье снежинок ладонных
понимай только так).

Чувства на всех, конечно, хватит,
а нужно подумать о воде:
она – твои две жизни в объёме,
как её обнять болтливой суете?

Грубых касаний – много в слове,
в дожде иступлённой прямизны
(твоя душа всегда наготове,
а волна – необозримой ширины).

Можно смягчить кусочек моря,
а прочие воды – кто смягчит?
Всё трутся о сомнения, споря –
где кончается береговой гранит...

Плохо приласкана держава
(погода, давай-ка понежней)
обветрилась вода – и шершаво
гладит флаги отражённых кораблей.

Материал слегка потрёпан
оживляемый на ветвях –
не бери его домой и в молчанье
только птиц пугливых впускай.

А как полотнища звучаний,
помещённые на листву,
внесены, когда закрыты ворота,
заперта навечно – тоска?

Плоды одарены насильно
непростительным волокном;
за окном шаги дарителя – внятно
уличной беседой звучат.

До тишины ободран шелест,
поцарапаны облака:
увяданье сквозь заборные щели
втащено в полуденный сад.

Звук вечерний – чист, золота – копна,
лугом засияла награда:
необъятность – поздним фразам – спешно вручена,
радуйся, если мрачновата.

В чём тебе тонуть – не подскажет луч,
выбившийся в странные судьи.
Остается лечь в траву, где голос твой живуч:
будет пейзаж – глубокой сутью.

В солнечную реку зашла по грудь
лошадь – пусть на шее повисли
наградные плески, не дающие тонуть
в мареве, в неопасном смысле...

Разве у животных учиться дням?
Берегом горячим останься,
где медаль простора непонятна пескарям,
тонушим в мелководном танце.

В окно стучит индевело
толпа существ, упившихся нуждой;
стоишь на позднем воскресном пороге,
приготовил всем – болтовню?

Гостей дождётся пространство,
где звуки комнат сделались едой
(ты помнишь, чем привечать и лелеять
до утра – былую родню).

К приезду тьмы, оседлавшей
неисчислимость, названную *град*,
готово всё: и неясные фразы,
и молчаний хлебный кругляш...

Но это важно едва ли:
когда завечеревший дом почат,
своим отсутствием – главным подарком –
приходящий мрак ошарашь.

РАБОТНИК ЛОДОЧНОЙ СТАНЦИИ

К мосткам озябшим подтащишь лодку:
канат заледенел, в ладонные
очертания – тычется жёсткостью
(пассажиры всё медлят сойти).

Слышны борта земляного цвета,
когда неспешно трутся скоростью
о волну, не про всех говоримую:
избирательны наши пути.

От горизонта до горизонта –
вот толщина верёвки, названной
снегопадом, в который вплетаются
силуэты людей и столбы.

Волокна мокнут, касаясь речи;
лежит речная гладь, набрякшая
темнотой, неизбежно мощнеющей,
хоть снежинки белы и слабы.

К ПЕРЕМЕНЕ ПОГОДЫ

А что из деревни доносилось?
Замес прочувствован сполна,
когда печалью едва оправдан
наш негданный спех.

Чужих нам не надо – доносилось
из рецептуры пирога,
а ты всё смотришь в глухое тесто,
видя близость во всех...

Казался домами, облаками –
порядок действий, а теперь
остался голос – начинкой утра
(даже в том – разуверь).

К слоистому ветру добавляя
взгляд, не годящийся в слой,
увидь слова над печальным полем:
все пока что свои.

Тяжело события на свет бредут,
видя прохладу сквозных нелепиц:
говоримым простором – парк продут,
уткнувшийся в голубиный хлебец.

(Ведь не птичьим хлебом – кормить стволы?
Лучше – понятным движеньем этим,
погрузившим предметы в жест смолы?
Отказано – непопятным снедам.)

Всё плавней звучанье стремится в луч –
самое время бояться ясных
утолений, когда ваш слог дремуч:
достаточно умолчаний праздных...

Сквознячки тенистой галиматы,
перед лицом возвращенья – струсьте:
голоса и садовые скамьи
отозваны из вечерней грусти.

Шпили стремятся несильно
промерять глубины глубин,
если утро слишком многомильно
уходит вверх, где вдох тобой губим.

В слове последнего плаца
равнозначны шпили – душе,
больше не боящейся остаться
асфальтным блеском, сном о мятеже.

(Этим стремленьем бесстраший –
создаются: тело врага,
замысел отяжелелый вражий,
зачин обледенелого денька...)

Шпили в просторах восхода
до спокойствий здешних жадны;
птицами напетая пехота,
братайся с недомером вышины.

Себя оценишь, высота?
Нынче слеза твоя пуста;
сохнут дома от твоих *некрасиво*,
правильного жаждут полива.

За человеческий корешок
сколько угодно хватайся закатом –
плохо корчуетя: высок,
облачным прикинулся взглядом...

Весёлый город уготовь,
если душа приникнет вновь
к маленькой участи сельских построек:
облако над ними – сырое.

Раскиданы внутри земли
струйки весеннего снега и клубни,
прочие – небом истекли –
корни покосившейся клуни.

ПУСТЬ ЛОДКИ ПРОПЛУВУТ ЧУТЬ СЛЫШНЕЙ

СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Листья зря прилипли к старой меди,
а теперь о словах прошуршат,
замолчанных в речной давнишней беседе
(Что – правда? Не скажет сад).

Важно: кем всё сказано под вечер
(содержание слов ни при чём?)
Торговым светом наш гранит обесцвечен?
Твоим омутнён стыдом...

Не сгодись для чистоты последней
(лишь промоешь пылящийся звук)
а мутный полусвет – отчистится сплетней,
упавшей из царских рук.

Уровень воды к шагам придвинув,
оставляй на асфальте зазор,
где отражённые огни магазинов –
смывает листвяный сор.

ОБЛАСТНОЙ АЭРОДРОМ

Всё живое ускорением страха,
в полёте образы тонут;
не поддайся голоду, душа –
услышь: животные стонут.

Истреблению волков – не нужен залп,
всё отравленный лесок сказал:
кто в это небо отправлен –
не виден тихнувшим травлям.

Полоса лесного взлётного ручья
дрожит под шелестом водным:
пассажиром звука будет чья –
свобода в приступе рвотном?

Утомлённый зверь, на звонкий звук садясь,
белоснежную смывает грязь:
стрихнин в тоскующей пасти
растачит чувство на части.

У ПЛАТФОРМЫ

Старуха цену чуть сбавит:
вот изнурённый отсвет на стекле
домашних заготовок, забывших,
о ком всплакнуть в последней мгле...

В стеклянных банках – соленья,
привыкшие смотреть на погреба:
уставились на поздних прохожих
(кругом подвальная ходьба).

Вокруг – сутулость под сводом,
грозящим стукнуть всех, кто распрямлён,
не слышит слов – рассольная зелень
из летних правильных времён.

Шаги людей осторожны
и впитаны земельным холодком;
в намаянном стекле – сердобольный
рассол слезится ни о ком.

Всюду следы восприятий:
слышанный берег ждёт,
когда с него стряхнут задымленье –
так чутки к музыке наши костры...

Блики в озябшем блокноте
тронули твой графит,
а карандашный росчерк – устойчив
к последним дням не пришедшей поры?

Всюду следы восприятий,
зренье прильнёт к воде;
ласкай пейзаж – бумагой алмазной,
наждачным словом простор приголубь.

Ржавчиной схвачены лодки
(ржавчина это взгляд
субъекта, неприятного фразам)
и даже небо – увидено вглубь.

ОЖИДАНИЕ

Родимых пятен нет и нет,
сколько видано певчих отметин?
Томится прирельсовый первоцвет,
звучным родством – неизбежно беден.

Весны невнятный перебой –
лучше чувствуют птицы в размытых
лугах, зацветающих вразнобой,
с прошлого света навечно сжитых...

Стучат колёса: не считай,
сколько выдано звуков округе;
тобой проживаемый полу-рай –
вряд ли уместится в ровном стуке.

На теле этих двух минут
вместо родинок – россыпь колёсных
ударов, которые умыкнут
в чёткие ритмы о прошлых вёснах.

О СМЫСЛЕ ПРИВЕТСТВИЙ

Хоть густеющим скрыто теплом,
видно в звуке отчётливом и устном:
чувство схоже с поздним двором,
где ты немногими узнан.

На ребячьих словах подплывут
визги, взявшие летнее здоровье;
главный кто из них баламут?
Удар всегда наготове.

На футбольном подъедут мяче:
образ пнутого яблока и шорох
(сколько же в дворовом луче
сравнений дряхлых и хворых).

Ты уходишь к молчащим лугам,
эти речи сомнением не застя:
в спешке оставляй старикам
твоё чуть слышное *здрасьте*.

КУДА ОТПРАВЛЕНА РОДИНА

Чувству выданный отзвук колыбельный –
разве основа весне?
Страна родная = цвет земельный –
в какой рассказанной стороне?

Между вдохом и ветром – небывалой
связью когда расцветём?
Конечно, остова не стало
у чувства, спавшего под дождём...

Между ветром и вдохом начинайся,
ранний взаимный жасмин:
достаточно в твоём каркасе –
высоких планочек и чужбин.

Планки гнутся, лучами называясь,
родина выслана – в нас;
иного не воспримет завязь,
последним временем становясь.

ПАЛЬ

Порывом ветра – зола взвихрилась:
дерево будет богом здешних мест;
в листьях виснет струнным натягом –
звнящая чернота.

(Зола взлетела быстрее пули,
ветви смогли страдать сильнее всех:
льнули к небу, видя подмогу
в подоблачных голосах.)

Трава зовёт поклоняться клёну,
слыша летящую наверх – золу
(ты один иначе воспринял –
костровую полумглу?)

Не обожжён, а слегка обожжен
лирный изгиб кленового листа –
мощью угольковых горошин,
взметнувшихся неспроста.

Именем заменяй концовки:
называя душу простором, учти –
в чёткий свет – она переходит,
глядится в подвижность слов.

В прочее не смотришь до ночи,
не влипай решимостью в образ побед,
слишком внятно днём отражённых:
страшней не сыскать клеёв.

Именем обновлённым сдвинешь
не любой предмет, не любого себя:
всё, что въелось в стылую воду –
останется здесь, в саду.

Ржавчина разъедает волны –
назови её прошлогодним листом
или отражением утра:
дыра всё равно – в пруду.

БАЛТИЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Нынче мутнеющих обстоятельств
у пейзажа много – и не разглядишь,
о чём вокруг смеркается, не можешь
произнести названия афиш.

Чувство от голоса отвернулось
и нашло иные русла; день бежал
из жидкой формы бытия – на небо,
облаком твердя ушедший шквал...

Выслать спасение разговорам
отказались эти реки наотрез:
а людям как впустить в беседы снова –
имена навек грядущих пьес?

Далью отправлено черепичных
геометрий столько, чтобы всяк забыл
любую говоримую нечёткость:
а туманы значат недосыл.

Не видно огненных зигзагов
(кто сказал, что праздник придёт?)
А сколько нас – неважно, если, заплавав,
белизна упадёт.

Споткнётся облачный оттенок
о верхушки сосен сухих,
а это нам – грустней разбитых коленок
и погасших шутих.

Паденье в темноту отсрочат
не поля словесной судьбы,
не толпы этих недосказанных строчек
с лепестками борьбы...

Ромашки обеляют слабо
переход от неба к земле;
не уберечь от смыслового ухаба –
превосходством в числе.

Веселье, клубами взлетая,
ты вновь – растерянность золотая;
листья коснутся вековой тишины,
от пестроты своей черны.

А кто – получатели фразы?
Легче помыслить сообщенный предмет:
сады цветущие – белоглазы,
но чёрен их болтливый свет.

Сарай, громыхнувший засовом,
какому облаку адресован?
Если неясно с одноцветностью крыш,
кому – ветвями говоришь...

Цветущим количеством летних
красок – качнулась в задымлённый восторг
листва в молчаниях предпоследних:
закат безадресно прогорк.

Молкнет верста, слегка перната
непогодой, шуршащей вкось:
взгляд прямой, тебе не надо
неба, что собой влеклось.

Облачный свет в прибрежных башнях –
тянет струи из вчерашних
горизонтов, глядящих вкривь:
кто сегодня молчалив?

В голос втекающие взморья –
виноградниками фильтруй;
виснет в листьях, тараторя,
птичья примесь поутру.

Вечер её навек подсушит,
вытолкнет дожди – кнаружи,
а пока непригодно дням –
небо с прошлым пополам.

Чувством, обделённым датами,
туманится почище далее морских;
ветвями, к смятению прижатыми,
зачем рискнул наш сад – и вмиг затих?

Сыт по горло – ветер – рисками
(а вдруг прочтём в листе какое число?) –
и в мутности, льнущей к звуку близкому,
бутылочное превзошёл стекло.

Все, кто общими не схвачены
порядками – едва ли выбыть спешат
в поля речевой нелёгкой всячины:
зачем туманом стал рисковый сад?

Птичье пение – размытое
письма, вобравшего морские века:
езде – долгожданное выбытие
из внятности: она недорога.

СЕННОЙ РЫНОК

Плоды речевые о землю побиты,
но не увидено нутро:
где сок созревшей волокиты,
называемый тобой – *добро?*

Лишь гаснувший запад разлился покоем,
бесцветно впитывая луч,
лишь зависть плещется к помоям,
где душок гнильцовый – неминуч...

Придирчивый плод в пословесной кожурке,
кровавым вытекать цветком
мечтаешь зря: исходы – жутки
у того, кто хрупкостью влеком.

В арбузах живут розоватые лужи,
выходят сквозь один удар
о землю – угодив наружу,
превратятся в августовский жар.

Грядут моря, а ныне – снег да гладь
(для слова этот рай тяжёл)
лучше чувству вовек не знать,
что *падать* – плотский, дурной глагол.

В подгорочный не съехать детский смех,
в сугроб чудесней словаря:
много в этом пути помех,
а будет больше – грядут моря.

Дух перехвачен спуском ледяным
в слова насмешки снеговой:
в женском роде февральский дым
зовётся тьмой, иногда – душой.

Плоть перехвачена в пути к снегам:
смятенье тоже – не пускай,
чтобы к талым вернуть слогам,
к тебе, желанный капельный рай.

Растрачен ивняковый наклон
на попытку расслышать разговоры,
запас упругости разведён
водой – и от этого хворый.

Душою катапультной – кусты
зазнобит до верхушек индевелых;
им стыдно: возгласы нетверды
при утренних зябких обстрелах.

(Стрелять по облакам – это вздор,
а иного от листьев нездоровых
не ждешь: с жестокостью – перебор
у этих пожухло-багровых).

Кустам желанен резкий разгиб –
ведь на небо иначе не отправишь
слова, ушедшие в полувсхлип
о дальней горелой дубраве.

Сверяться с заоблачным хаосом
в порту шумливом предночном,
с кораблём немисливо гундосым,
с никаким кофейком?

Сомнение, зачем ты многолюдно
у чувства клянчишь вечера -
и берёшь гудки морского судна
для отстройки нутра?

В твоих переулочных кофейнях
на мелком звоне чаевых –
нагорожено первостатейных
сквозняков речевых.

Когда ты не город – всё в порядке,
а нынче мглой архитектур
разрастается – назло оглядке
на небесный сумбур.

Льнёт к словам твоя причуда,
а вокруг – всё река:
достроятся цветники докуда?
Узнать бы душой сверчка.

Спетыми в ночи шестами
глубину замеряй:
вряд ли бесконечными скорбями
достанешь придонный май.

Новых замыслов наладчик,
в изменённый пейзаж –
кто напрасно об утратах плачет:
твоя никакая блажь?

Тёплой темнотой нацвиркай
долгожданный замер
чувства, оказавшего дыркой,
куда утекает сквер.

ВИДАМ НЕИЗБЕЖНОСТИ

Выделяя малые роли
жестам, зазубшим не впервой,
вряд ли вы себя – побороли,
стали вряд ли – предрассветностью сырой.

*Не продлится ваше всевластье,
даже свобода подтвердит:
слишком внятно сказаны лица
ваши – и предначертуют прежний свет.*

Человек лишь способ для спички –
вспышкой ударить в холода?
Лучше вы себя – обезличьте
как ночная тьма: по образу *всегда*.

Ощутите шорохом в пепле,
знайте затишьем в феврале:
первое в пошаговом пекле –
это человек, пригнувшийся к земле.

КРЕСТОВСКИЙ ОСТРОВ

Вот – славная дата (возьмёт опять полмира),
а людей оставит – здесь – как есть?
Они выходят из тёмного тира
в полусвет, похожий на месть.

(Что ружья лишь часть шестёренки, всех крутящей,
что стрельба лишь винтик мглы земной –
скажи незнамой толпе близстоящей,
шелестя неясной весной.)

А песня висит на столбах – и значит это:
у звучанья – вновь – причин полно
приветить небо остатками света
(от свободы мстящей – темно?)

Знакомые *лица* с окраины куплетца
поздравляют день рожденья с тем,
что человек не успел свечереться
вопреки работе систем.

Нет-нет, другое имя:
а календарное слово забудь.
Не противишься чувству нашему,
плотью твоей – побывает муть.

Податливый осадок,
скажи, пока безнадежность права:
промерзаемость кем накопана,
с берега сброшена к нам в слова?

Когда земля свободна
от свойства тяжкого, разве апрель
не становится много радостней?
(Лучше его называть *отсель*).

Да-да, но час весенний
не сможет выплыть, где воды мутны:
ведь пронизаны зимней вязкостью –
круче молчальной твоей слюны.

ВРЕМЕНА ГОДА

Люди маревом укрыты,
если лето нянчит судьбу
(наблюденья кем добыты?
Отданы, конечно, снопу).

Люди спят, а значит, молча
их беда сияет вокруг,
ветром стебельки клоко́ча,
холод заменяя на юг.

Ты шурши, собрат снопастьей –
знаьем дней, спешащих прийти:
свет не сказанных напастей
меркнет, превращаясь в дожди.

Слово зарастает ртовым
паром, если время – зима;
слово зарастает словом,
если надвигается тьма.

ОСЕНЬ

Костру расскажешь всякому:
свергнуты звучанья, тихнет престол;
день, казавшийся присягами,
навсегда обращается в дряхлый ствол.

Сжигай деревья древние,
чувствами восславив темень земель;
времени не сыщешь гневнее
и добрее, чем заспанный скажет шмель:

молчанью – скажет – малое,
всё-таки шмели – плохая душа:
никакую власть не жалуя,
засыпают, жужжанью едва служа.

В каркасе шумноплечего
пугала – застряли крики ворон:
им в господстве делать нечего,
не для них – ошутимости зыбкий трон.

ПРОСТРАНСТВУ

Довольно воды и криков –
не для этого летний дождь пошёл:
блаженствуй, себя накликав,
вызвав с неба нужный произвол.

Тепло своевольно смотрит,
прикоснувшись к зазябшему двору:
глядишь, тишиной заморит
ноющую в чувстве мошкару...

Прогонишь хозяйский окрик,
а собаке в питьё – себя – добавь
(комарик в душе так горек,
что тоске – не до *таких* забав).

Усталой собачьей миской
накопи любознательный напев:
огнём с высоты холмистой
свесишься, предметы разглядев.

Выселенная осина
валяется с шуршаньем врозь:
ужели в многоместной вертикали –
спального места не нашлось?

Те стволы, что устояли –
нагрезили себе людей,
неотличимых от просторов звёздных
(этой наукой овладей).

Этой овладеть наукой
несложно: после – труднота
(но проще, чем вернуть домой осину)
после – открыть не можно рта.

Сны на отсырелой почве
чреваты человеческим чем?
Побойся сниться деревьям упавшим,
словно и вправду – слишком нем.

Стены загона – сломались
(ночная буря это малость)
осень сегодня цела
и не рухнул скрип весла.

Стадо, в сомненье уверуй:
будет сильнее стократ;
предстала буря – полумерой
(kozy в горизонт глядят).

В стадной зияет свободе
пастух, одетый по погоде
в матерный дым папирос:
берег выруган вразнос.

Смотрят в ушедшие штормы –
kozy в туманах морских
на привязи животной формы,
в путях голосов своих.

ПОСПЕШАЮТ ЛОДКИ БЕРЕГ ЖДЁТ И ЖДЁТ

КОСТЁР

Вода неожиданным переходом в тьму
ветвится, всю густея
(как помочь благому ничему,
позвать какого чудодея?)

В дремучем пузырьении речном
плутает помятый отсвет,
утомлённый зольным ремеслом –
твердить о световом господстве.

Сказал бы высоту небликих гор,
внушая простор затишный:
да не нужен мирный разговор
ночной воде скоропостижной.

Былое слово не смогло помочь:
зачем не тебя бормочет?
До вершин молчащих неохоч –
на водах гаснувший комочек.

Упал простор, засохший от влаги:
её намолчано полнеба, но шурши
лёгкой фразой о здешнем благе
(против рассвета летят глупыши).

Что бабочки – вертлявые соки
внутри бескрайнего пейзажного ствола:
тратят время в пыльцовой склоке
между полётом и блеском сверла.

Что плотницкое дело есть метод
смотреть в предметы, узнавать себя внутри
(славный мастер сегодня меток –
лётся полёт под нажимом зари).

Пусть грустный сад – лучами рассверлен:
прими их сторону, не становясь враждой –
внятной стружке извечно верен
(бывшей твоей предьюльской душой).

Кто выгнал пчёлку с людного пляжа?
Махры крутнувший полотенечный жест.
Гудели, климат будоража,
многоточья внедря в сюжет.

А берег вечеряющий втолкнут
в покой, с каким тебе ужиться нельзя;
пусть волны ядовито молкнут,
в предпоследние фразы ползя.

Уж лучше бы пчела укусила,
всё лучше водной онемелой души;
что с временем происходило —
обнаруживай, внятно скажи:

береговой помятый узорчик
из фразовых и человеческих тел —
лишался разъярённых точек,
нестерпимо на солнце простел.

Приставлен лейтенант к вагонным лязгам
(отдать бы под охрану – своё *ничьё*)
цистерны завлекают вязким
светом в благое забытьё.

А ты влетаешь в даль болотным паром,
заигрывая с горечью ртовой мглы:
нам свет ничейный станет даром,
если и мы – с тобой смелы.

(Выкидывая дымные коленца,
внутри у папиросы полдня шалит
дыханье, норовя затлеться
вместе с тобой, апрельский вид).

Подделайся под выдох офицерный,
одетый в папиросный несладкий дым –
и это солнце на цистерне
больше не будет нам родным.

ЗАЛИВ В МАРТЕ

Свершился тихий жест обменный,
а что себя корить в ночи?
Волну под заснеженной пеной
лишь с таким раздумьем – сличи.

(Кто древом проткнутую проталь
и дней мятущийся устой –
за чувство звенящее продал,
за последний звяк золотой?)

Погодой успокойся сдельной,
оставшись об одних лучах,
обёрнутых в голос капельный,
зашуршавший небом впотьмах.

Пусть это золотишко застит
весну – и всё что есть ещё:
пейзажи бывшего ненастья
не бери в словесный расчёт.

Скворцы пришли горлопанить:
свет сверхплотный принят в память,
пусть слеза стремится в сады,
а не в ладони красоты.

Лишь тьма паденьем бесцельным
переходит в час – по кривой;
мы – другие звуки ценим,
отправив душу за листвою.

Отправив вслед увяданьям
чувство, что не далось дланям,
проследим, как рыхлая грусть
вовсю плотнеет наизусть.

Всю ночь в саду ненароком
(под прямым душистым углом)
яблоки глухим отскоком
трамбуют почву под стволом.

Здесь на всём – оскомины твои.
Вкусивший ягод былого года,
не бойся: у лесного ручья
чтоб спасти – одна метода.

Терпкость, облотившую язык,
приветишь: здравствуй, язычный слепок
(с молчаньем пролежавший впритык,
фразы стиснет напоследок).

Водами содрать его спеши,
живым негоже под маской смерти
звучать, когда у летней души
вечность – нынче – на примете.

Чистой лаской – холод ручьею
вцепился в рот, тишину почуяв:
теченью – применять не впервой
метод цепких поцелуев.

Ослабелый фонарный свет нестрашен
высоте, твоему окну:
зачем, стареньем неожиданным обескуражен,
дрожащую копит прямизну?

Что сегодня не твой черёд печалить
разговор – чистотой звезды,
зачем предгрозью – сомненья недокричали
сквозь мрак законной маеты?

За окном – никаких событий, кроме
еженощных ветвей в луче:
фонарь мечтает о дальнем аэродроме,
о ветре – ревушем силаче.

Световая полоска хочёт взлётной
полосой позвучать чуть-чуть,
где листья в шумной печали поочерёдной
(взлетают полнеба ужаснуть).

Силами, говоримыми скоростям,
мельтешение птичье запрятывай,
шилом певчим – небо не дырявь:
рук на всё не хватит, изморозь.

Поездом проковырнуто полстраны –
оттого его морда затуплена,
и в дымах мазутных, теменных –
неизменная сутулина.

Хочется осторожненько подглядеть
за изнаночной жизнью сомнения,
ночи тратящего лишь на то,
чтобы стать пространством мёрзнущим?

Здесьние ожидания коротки –
оттого темнота многоперстее
чувствами латает сквозняки
и в мгновениях – отверстия.

Палатка, слова о прошлом,
быстроразводимый огонь –
у тех людей разговорчивых
предметов тьма переносных.

А ты, налегке шагая,
вызнал, как свободу вдохнуть:
такое счастье – в изменчивость
запрятано листвой весны...

На том берегу воздвигли
бульканье походных котлов
на постаменте из пламени:
а это памятник – чему?

Не скажешь, творя дыханьем
смену состояний души:
(пусть всё не райское – выдохом
уйдёт в пейзаж в речном дыму).

Фразы, пророненные о чувстве –
слякотный, липкий чернозём
(с волны убедился мачтовый
неторопкий в работах – фонарь).

Пашня, всплывающая в приречный
сумрак чудного говорка,
дающая фору всякому
кораблю, не прогнавшему хмарь?

Звуки, сплетаемые усилием –
крепче известных паутин,
а звёзды поймай, внимательность,
образцом замолчавших идей.

Плугом разматываешь сквозь почву –
влажные нити борозды,
равняться решив на звонкую
прямоту корабельных снастей.

Осанкой старческой – волны
для заката будут: ссутулился свет,
в тишину бросаюсь закорючкой,
не зная уже, кого препинать.

Незрячим к нашей изнанке
оказался день, что негромко пропет:
а тебе по-прежнему неясно,
что – завтра случилось, водная гладь?

В полях прибрежного страха –
наступала осень, шурша золотым
холодком прожилчатого слова
(увядшего снова? Нет? Всё равно).

А мы входили в раздумье,
оставляя берег – лучам-запятым,
разделившим душное сомненье
и видное дню – заливное дно.

Людское примиренье кому солжёт:
ходить по стеночке вдаривших в небо красот –
в силах не всякий, а здешних молчаний –
что может быть безмянней?

Сравнили не с зёмлей, а с небесным днём
(жестом таким не заменится имя)
к садам едва ли примкнёт тишина соловьём,
слова не будут иными.

Полуденным затишьем себя взволнуй,
где вдохом пристани – вобран людской поцелуй,
значащий гибель размолвных империй,
(в неполной, кажется, мере?)

Набегами цветений разорены
реплики (пристань вдыхает руины)
держись за внятную тень уцелевшей стены,
за перелив соловьиный.

СКОРО БУДЕТ ПОЛДЕНЬ ДОСТРОЕН

Лезвийным сверканием январским
понакидано шуршаний на тьму –
и на всей поверхности нарисован
облачный аноним.

Ветра разнородные кусочки
скреплены навек запутанным чем?
Сколько в парке выдано воскрешений –
линиям ледяным...

Лучше прямоту столбов молчащих
из высотных ожиданий изъять,
вправить в говоримое, но прохожий –
ясностью пренебрёг.

Геометрия следов коньковых
восстаёт из одномерности льда,
в логику метельную проникает,
в парковый говорок.

Плотам – спасибо, если подобны
лоскутным, пришиваемым к *ничему* –
годам весёлой кручины сельской,
закатным огонькам предзимы.

Каким гвоздём разорвана зелень?
С изнанки лезет ватная белизна.
Ремонт одежды – еженеделен
(починка фразы – это весна).

Навек неполной мглой прикрываем
прорехи, не дающие говорить:
разбег реки, сквознячок полёта
и крохи безнадежных минут.

Ложась на берега по субботам
заплатами, набрякшими суетой,
плоты подобны недотемнотам
на чувстве, на дыре золотой.

Жуки несут безденежье осеннее
к зверю – продавцу побед;
не порадовать день гудения –
похожестью на солнечный свет?

Где грошик спрятан оголтелой лапицей
в слишком ранние дожди,
возжелали тоской крылатящей –
хотя бы тёмный край превзойти.

Ветшалога полёта обитатели,
кутаясь в сырой хитин,
тишину – не на то – истратили,
не купят золотых средин.

А сами что? В заштопанном сиянии,
холод вряд ли поборов,
до рассвета темнеют рьянее
заржавленных небесных краёв.

Если ветви это единицы
измеренья шелестящих времён,
то сколько крон садовых
проспит световой почтальон?

Путь до чувства в три нелёгких трети
не уложится, задумав длиннеть:
изменчивостью живы –
законы растущего *впредь*.

В летних деревьях – одна надежда:
бесконечность тишиной пресекут?
Такого нам не надо,
пусть лучше продлится маршрут.

Шелест может кончиться, а это –
пострашней не принесённых вестей;
заснул усталый лучик
в преддверии новых третей.

В зрении, залитом солнцем лесным,
звери – и даже певчие птицы
из многих типов бытия
выбрали редкий промельк.

Лето ткнётся в слово – взглядом былым:
страшно ли это? Почвенным паром –
пора древесного гнилья
сгинет обратно в небо.

Учатся побыть такими зверьми –
чувства, в чащобных замыслах прячась,
где сила кряжистых корней
ветер навек попраля?

Можно их понять, а ты перейми
медленный ход речного простора:
от взгляда потеплевших дней
больше сбегать не нужно.

Обильем работ дорожных
слову побывать удалось:
буквы вымыслов чуть тревожных
с шорохом посыпались врозь.

(Не вместе со звуком падай
в эту безголосную грязь;
буквы фабулой и отрадой
в слякоти затихнут, ярьсь...)

В январском пейзажном сипе,
в хриплости прибрежных ветвей –
щебнем буковок не присыпет
всходы снегопадных кровей.

Скажи в бездорожье наше –
камешки про завтрашний мрак
(всходы – нужные персонажи,
спрятаны в небесный овраг).

Забурлил в пастушьей дудочке – вечер,
дыханьем юным подогрет;
над слышимым паром – звёзды
(на музыку – где запрет?)

Пусть свободно выкипает звучанье,
неспешно к нашим жестам льнёт:
всему образцом послужит –
туман загрузивших нот.

Муравейной немотой откипела
поляна, вовремя остыв:
а если нагрев продолжить –
раздастся кастрюльный взрыв?

Муравейники, прикрытые крышкой
малопригодной суеты,
на вас – не равняться чувству
и звукам чудной дуды.

ДАЧНЫЕ ВИШНИ

Красота седлает ветви,
в слова наведавшаяся на миг:
шелесты стонут, слишком ветхи –
просят предвечерних книг.

Выбить хмель листвяный – нечем?
А гости съехавшиеся – трезвы?
Летним желаньям не перечим
невыносливой листвы...

На молчаньях наших скачет –
в страницы двинувшаяся заря;
медленно едем, это значит –
малых сих гоняем зря.

Сёдлышко гуденья скинув,
заснёт забегавшаяся оса –
садом цветущих мараскинов
застытся её глаза.

ОБОДРЕНИЕ

Мало – глубин воды, огня, земли:
строение мира, под погодой
ты роешь смыслы, чтобы смогли
мы все упасть? Смелей работай.

Здешнего времени модель – проста:
предметность обглодана до самых
лучей, лежащих нынче (всегда)
в твоих первоосновных ямах.

Мраморного простора дальний всплеск –
до нас добирается, пожёван
словами, проглотившими лес
с его шуршанием ежовым.

Даже капканисто сыревший мох
и листовных звуков тяжкий бредень –
откушены: пусть всякий подвох
навек останется отъеден.

Идти простором мимовольным,
в слово своё смотреть напролом
(кто же не любит вязкие войны
разноголосий о былом?)

Вниманье темноты направив
в близкую тишь, ушедшие вправо
высказать всё, а завтрашний свет –
им в слово не просился, нет.

Зачем безвыходность пророчат?
Сколько переходящих в дымы –
шелестов и сомнений – и прочих
нечаянных пространств зимы...

Под вечер выберешь любое –
или застрянешь мглой в разное?
Если сегодня сказана ночь,
звезду – на всём – сосредоточь.

Сумел уцелеть притихший сад:
стволы, покрытые извёсткой,
над полугрозовой висят
водой защищающей, хлёткой.

Слова покрываем слоем дня...
(Ветвится вверх – движенье лета,
неутолимые кляня
стандарты колючего света?)

Сквозь облако – *чудная пора*
не проникает к тёплым песням:
мы – несъедобная кора,
мы вряд ли – со взмахов исчезнем.

Вредители звёздной красотой
бессильно бьются в птичьи тени:
обмазан облачной водой
полёт, вкоренённый в смятенье.

Ничего важнее плоти,
исчисляемой раскатистым боем стенным –
нет на свете, прояснённом
(навсегда) сквозняком шрифтовым.

Ничего важнее летней,
закономно воссиявшей души – не найдёшь;
тождество её с минутой –
унимает прочтённую дрожь.

Кто таким июльским утром –
анатомию пришедшего дня не поймёт?
Где его звучали ноги,
исправляй речевой оборот.

С шелеста листвы на шелест
мотылька – переминается время в груди =
топчется пейзаж в межрамной
духоте, не решаясь войти.

НОВЫЙ ГОД

Скользя по талым тропинкам,
на снег равняться? Больше нельзя.
(Вточь душа – размягчился...)
Куда словам вечерним – течь?

Зачем вверху отпечатки
цветочной отпылавшей ступни?
Шаткий образ, но всё же –
шепни в него своё тепло.

На небо смотрят едва ли,
считая лишним – красочный гром;
в серых слякотных ямках –
мгновенья не отыщут дом:

себя с дорожных сугробов –
бесформенностью медленно льют,
все следы перетрогав
людей, пришедших на салют.

Залиты идеями – облака,
наш дом не спасти от воды, наторелой
в обновлении вдохов людских:
без неё – попробуй-ка, переделай.

Разливы рассветные нестрашны,
в таких озарениях – вряд ли утопнем;
а в безмысленной сухости вновь
остаётся прошлое – допотопным?

Душа выбирает ли побывать
темнеющим парком воскресной культуры,
обезлюдевшей тишью воды
неподъемной праздничной кубатуры?

Залиты идеями облака –
до верхних лучистых щеколд и зацепов:
колесо обозрения – спит,
высоту кабинками не дочерпав.

В словах – древесное старение:
вовсю скрипят, на ощупь так огрубев,
что лучше – гладить полустрочки закатные,
пришедшие с грозной внятности облаков.

Понятен тихий мох – не менее,
а знаем лишь – вокруг разлитый напев
(пришедший сумрак утолился надолго ли,
свою половину ясности отлакав?)

Лучами запастись заранее,
нечистым звуком если вьелся в боры
уход чудного ожидания летнего,
на взгляд человека – взявшийся ниоткуда...

Стволы шершавят осязание,
внушая хрипотцу нагретой коры
ладонному произнесению осени,
читающему скрипучую вертикаль.

Пляж от блеска вымыть – слово выбрало,
помрачнев ветвистостью: раkitник, сирень–
за игры детские уцепились
стихающим нутром.

Выпрел корень у рябины, визнавшей
полу-день, полившийся из прочей листвы:
скопились влагами – наблюденья
в напряге прутяном.

Тёмным облаком кусты окутались,
слеповатым шелестом завидев детей:
к приборной мягкости потеплений –
ревнут юный бег?

Спутал чувства – вечер одаряющий:
золотей любовного касанья – смотри –
колени детские на просторе,
замаранном навек.

Мальчики с утра твердят о звере,
о неспешном тебе среди ветвей
(уж лучше голосащие пожары:
время вспышкой телесности истечёт).

Как прожить в разгорячённой мере,
в утомившейся плоти, полной дней?
В прошедшем ливне не хватило пары
капель: голос и облако – всё не в счёт.

Тронешь небом – мокрые рубахи,
похозяйствуй и в стайных днях, *небось*:
с верхов листвяных, где исход неведом –
каплет в чувства прохладная новизна?

Птичьи перекручиваешь взмахи,
выжимая промокшее насквозь
движение к заждавшимся просветам:
воды с певчего падают волокна.

НА ВПЛЫТИЕ ЛИНКОРА «АЛЕКСАНДР»

По волне снуют – и снова ищут;
их названий полувзвук – небогат:
судёнышки гудящими зигзагами
застить пытаются закат.

Выстрелы пришедшего линкора
не затмятся мягким катерным *вжик*;
от взрослых вдалеке – летать научится
русский ребёнок язык?

Нужный шум и тишину ответа –
в поисковых не сыскать катерах:
что значит эхо на воде смятения?
Выпал птенец в прибойный страх.

Залпы бортовые повисают
на мгновениях, протянутых до
швартовки суетливой – и качаются
словно нетрудное гнездо.

Новым понятием воды утешься,
предутренный подвижный покой:
словом только звёзды отражаться
придут к засвистевшей реке.

Ухнуть в былое нельзя: глубины
езде, и даже облако = дно:
кто молчаньем выдыхает льдины,
тому утонуть не дано.

Смоют с тебя величины прошлых
забвений, по которым пожить
тьмою замолчавшей получалось,
что брэнней любых берегов?

Если по мерке нечистой скроен,
переходи подтаявший бриз:
в ледяном ветру полно промоин
словесных – ты в них провалишься.

Смыслами смущается неисправными
буквальный берег: попросту говоря,
отплываем туда, где равными
частями предстанет – заря.

Или дни пришедшие – ознакомлены
с чудным распределением теплоты,
не полезли на борт, качнувшийся
строчным мельтешением букв?

Марево нащупано муравьиными
путями – и растащено по словцу,
а зачем сбережён теснинами
сквозняк, неугодный лицу?

Дальнее замолчано ожидание,
нутром не взято в сумерки берегов?
Фигуральнее если некуда,
паром – не поможет доплыть.

Что – дом? Древесным ящиком
явится: мы – первые жильцы.
Прочих сомнений тысячи
заселились после всяких нас.

Молчать – не нами выбрано.
Звуки расправляет полумгла
(долгие дни предлетние
прожила в лиственной тесноте).

Что – вместо безнадёжности,
вытолкнувшей солнце из себя,
в чёрный глазок скворечника
втащено на птичьих голосах?

Слова о прошлом – брошены
навзничь на смолкающую трель:
лучше им быть в коробочке,
обжитой крылатыми сперва.

В беспмятном затишном краю –
лучше запомнить душу свою:
наполнят всё – грядущие зимы
(пустоты нынче – совсем нестерпимы?)

Ботинки подставляет луне,
наполнив туфли ветром ветвяным:
дела другого нет – тишине
(мы – не пригнёмся, мы – вряд ли увянем).

Табун неспешно травы вжимал,
плоской стезёй предстал перевал;
от наших рек – слова распрямились,
тебя стряхнув, лошадиная милость.

Наводнены посильностью дней –
луга (вдали стихают копыта)
выплеснуты касанья ступней,
в траве порожняя обувь забыта.

НА ЯЗЫКЕ ТАК МНОГОСЛОЕН

Чувство твоё не отлично от многих –
и плоть его сумела уцелеть
(листву ухватил прожорливый климат,
разжевав пожухлостью – каждый лист).

Если к душе добавляем высоких
ветров, а также *ежели* и *ведь* –
то сразу её на части разнимут,
ведь состав питателен, волокнист.

Всякий, кто был для погоды – инаков,
простором верхним съеден набегу;
звериной жары распахнуты пасти –
над безлюдной площадью заводской.

Свежее мясо полуденных маков
пластают, разделяя на тоску
и северный ветер: прочие части
не имеют ценности никакой.

ИЮЛЬ

Без главного героя и без реплик
о заждавшемся чувстве – пусть живёт
повесть новоявленных оптик:
сюжету всё – трын-трава.

Где тьма, сминающая день цветковый,
приходящая из грунтовых вод?
Слов боится – пуще растений,
хотя – прощают – слова.

Прощают, помня: без того досталось.
Ожидание в тополиный пух,
в прах лучистый вновь переходит:
теплом побит персонаж.

Бутоны – это мстительные линзы,
преломляющие подземный дух
в запах говорливых цветений,
в залитый солнцем пейзаж.

Молчать к чему? Вот-вот разрастётся
итог предгрозового труда
(тебя коснувшийся отблеск закатный
и прочие нечёткости – долой).

Зарубки белой узостью схожи
с лучами: пусть гасить не спешит
сосновый ствол – болевые сиянья –
внутри себя проташенной смолой.

А кто на свет надеяться станет?
Старается стучащий топор
ветвить для всяких существ – избавленья
(с пейзажами осенними – вразрез).

Не канет древо внятного стука –
дождём растёт и дятловым днём;
вам нет печали, упавшие сосны,
когда над всем шумит продлённый лес.

ОБРАЩЕНИЕ

Речь не станет лестничным днём,
данным в помощь подуставшим душам:
слишком непривычны слова –
и нельзя ухватиться.

Верные законы листвы,
ветер не умерьте (слог – приглушим)
пусть ночной предстанет простор –
опустевшей слезницей.

В сумрачный пейзаж нутряной
не вносите этого разлада,
если перекладинки фраз
не отдались починке.

Дайте докружиться листу,
вычертить круги лесного ада,
чтобы светляковый покой
восходил по старинке.

Что затишье? Онемел пейзажик,
в пустеющем рту своём зажав
чудную тень: она – твоё молчанье
об одеждах кучевых.

Кто теперь поможет переменам
устраивать огненность расправ
над ветошью, заношенной дедами
до последних запятых?

Маревом ромашковым сжигают
безумие облачных рубах,
напаянных на утреннее чувство
по ошибке сквозняка?

Свет не стиснуть тканью самозваной;
дыханием в солнечных полях
белеет – всех спасающее пламя
запасного языка.

Сохраняет пейзаж своё обличье,
схож не будет с людьми в потёмках зимы:
за словом идут налегке – просторы,
на горизонте накидав холодов.

(Что дорогами для прогулки птичьей
ночь побудет – забыть не смогут дымы:
хотя на подъём – голоса не скоры,
мы ждём: они покинут жар городов).

Навсегда ли людской ходьбе – дарован
луч, вмерзающий в почву дней искряных,
с горячей воды поднебесной слезший
в температуру, что лежит впереди?

Колеями дорожными сформован
лёд – по образу бесконечной длины
январских лучей: для прогулки пешей,
для повторенья светового пути.

Лучи извечно кривятся,
но пробуют – всё – на вкус;
откуда оскомин столько,
если вокруг – одно тепло?

Отвлечь вниманье пейзажа
от грусти: она – союз
исхода с рассветной жаждой?
Чувству пока не напекло.

Тепло пока не затерпло,
не вяжет сквозные рты
лучей, пригубивших душу
участи, проходящей над:

словами, схожими с небом
под гнётом лесной звезды,
отвлёкшими всё – от чувства
(прежде всего – молчащий ад).

Лошади мотнут головами,
сгинет ночная тишь:
утомился пейзаж безгласностью,
жеста предрассветного ждёт.

(Душу именуя отъездом,
высказать: там – вчера –
предвкушенье дор~~ог~~ заснеженных
станет кем? Никто не поймёт.)

Чувство есть простор, где толпятся
люди, а ныне – здесь –
предвкушенье дор~~ог~~ заснеженных –
это небывалые мы?

Дёргает за тёмные гривы,
хочет извлечь себя,
из ушей лошадиных вытрясти
окрики вчерашней зимы.

Уточняя объятя травные,
учти, в твоём ли теле – июль
горит спокойно и беспримесно,
согревая смятение слов?

А не ты ли – субъект молчания,
кто взялся всё ясней понимать:
чем не похоже время здешнее,
в чём особенность этих лугов?

Утешай полусвет читаемый,
приободряй побуквенный день:
погода с книжными страницами
состоит в шелестящем родстве.

Здесь не будет существ покинутых?
Усыновлён теплом локтевым –
кузнечик присмирел полуденный,
заплутавший в твоём рукаве.

Плющ коснётся души, минуя все
этапы роста – это нетрудный бег:
время, дымящее в слезе,
облаком говорит: *человек*.

Плющ – не срежут, пускай несёт в окно
сотни касаний, всю печаль:
сгоревшие деревья слились в одно,
вдохами восходящее в даль.

Дворик тянет от почвы к синеве –
теплом представший шелест людской тоски;
в небе, в стремительной листве
кажутся человеки близки?

Дворик помыслом мелкозавитым
сразу касается всего:
плечо девичье, август, небесный дым –
тронуты устремленьем в родство.

ПОЛУКРУЖЬЕ КОРАБЕЛЬНОГО РЕБРА

До отлива – ждать недолго;
спасатель зашлёт свистковый звук
трепыхаться над пучиной,
оберегать крылами – испуг.

Если плоть знобит затишьем,
на бодрость воды – душой взгляни:
штилевой не будут хворью –
июльские глубинные дни.

(Не тебе – людей чураться,
пускай говорят чудную мель:
как ещё изучишь донный
ландшафт, ведущий воду отсель?)

Выздоровливают волны,
заслышав спасательный свисток:
люди с белыми лучами
подмешаны в морской кровоток.

Когда садовый вечер перегружен,
вспоминаешь – всю слабость прогнал
ливень, сказанный, как души вмятые:
а чем ещё обосновать слова?

Радужен разговор, но вновь продлится
(поднимал не такое – силач?)
мятые тропинки расправляются,
листва вбирает молвленную мощь...

Словами что подвергнуто промывке?
Облака и напрягшийся лист.
Длинные дороги, тенью ставшие,
в густой уводят (медосборный) звук.

Обрывки разговора не дотащит –
мускулисто пружинящий куст:
на шиповник взвалено шмелиное
гуденье вперемешку с красотой.

Протяжное поле – не себе пожелай,
а всем другим, кто днями изнаночен:
вбирай щебетанье птиц –
и *на* ночь, и всяческим утром.

(В тебе – не минуты продлевают свой ход,
а лишь пространство, слишком предзимнее:
ведёт за понятный знак,
родимее ближнего неба).

Пока продолжается звучащий пейзаж,
на смену приходящий безвременью –
отдашь не себя опять
намеренно, ставшему светом?

С полями и птицами нечёткая связь
бесстрашием пока не разъедена,
зовясь горловым лучом,
отметиной чистого звука.

Подальше клячу за деревню
солдат выводит зачем? Вот-вот гроза
в домик выстрелит многочревный,
где наши звучат голоса.

Песчинки бьются в лошадиный
живот, толпятся – подобно мотылькам,
в дом толкаемым холодиной,
поближе к усталым огням.

(Плотнее окна закрывая,
печаль не хочет делить свой свет – с мошкой,
если пулями таковая
предстанет в степи костромской).

А что в дому? Дыханье живо –
и не желает гостей крылатых знать;
осень здешняя и служивый,
ступайте – без выстрела – вспять.

Во всём, что касается дней плодовых,
ты – ошибись, пора перемен,
и нечаянных страхов навнушай ерундовых,
пришедших жизни взамен.

Проходим достаточно слышать мельком
беззвучный полуклёкот плетня,
защищающий пришлые к садовым земелькам
лучи недолгого дня.

(Прохожих – звучанием этим пичкай
быстрее, чтобы всякий – забыл
обезмысливать сердце урожайной водичкой,
дающей выпранный пыл).

Змеистые щели в плетень вплетая,
порхание плюща подселив,
говори, что ограда – озверевшая стая
существ июльской земли.

Вода ещё вчера отступила,
сразу всякий полезный забрав предмет?
Пусть дождик скорей начнётся,
высотой неразговорчивой перегрет.

(Последние лучи золотятся
мимо фразы воскресных людей о том,
как было чудесно – завтра,
что воде не быть – мелеющим веществом).

Сиянье пробегает по пляжу –
как по небу, завидев издалека
навалы заливной тины –
безнадёжности недвижные облака.

Сиянье на бегу огибает
толпы пляжных молчаний, боясь вдвойне
грозы, отсырелой в тучах
разговора об утраченной глубине.

Мелькают руки в соседской тьме,
дровопильную бессонницу зная –
а жесты такие в твоём письме
сойдут за признаки рая?

Кто убаюкает звук тоски,
повзрослевший всякой фразы – поспешней?
Не в сон, а в затишье себя влеки –
бездельной песенкой вешней.

(В саду соседском дрожат дрова:
баловство чудных работ неурочных
похоже на что? На твои слова
в нечётких взмахх межстрочных?)

До *ночи* ёрзает визг пилы
на подушке из опилочной взвеси,
повисшей на воздухе первой мглы:
не спит, всю куролеса.

Всё ясно с летним пейзажем,
а что – река? Свобода? Тоска?
Под берегом если – глубины,
шуршащие тишиной?

Смеяться вряд ли захочешь,
когда рассвет коснётся тебя
(и травы – колючие слишком,
молчащие под ступнёй).

На ощупь – тьма – безголоса,
хотя казалась умным дождём;
ладонный вопрос о прошедшем –
в течение завлеку.

На каждый палец надета
прозрачность, показавшая путь:
свиваются струи речные
в щекотные перстеньки.

Чему учиться у оружия, если
просторам птичьим всегда несёт беду?
(Где егерные меркнут силуэты,
прожитый свет – людьми почти забыт).

Чуть дёрнулось от выстрела – ружьишко,
а ты уходишь подальше от лугов,
от поздних разговоров деревенских,
помня прикладное уменье *быть*.

Пускай лежит раскатистое тело
порохового хлопк*а*, но страшно что:
округа памятно забирает
звуки такие (прочие – возьми).

Отдача не застрянет ружьева*я*
в плече охотника, вставшего над всем,
а перейдёт в молчанье луговое,
в сумрак произнесённого людьми.

Судёнышки швартуются
ко времени – на Вспять-реке,
только если время – рассветное
(устойчива тишина).

А к шуму ожидания
не прикрепить скользящий ход,
звуки зря помашут канатами
влажнеющих облаков.

Узнать о целях лодочных
и цели эти перенять –
чья душа в потёмках отважится,
не слушая голосов?

Не к вечеру, стучащему
дощатым берегом в шаги –
лодка к своему замедлению
торопится подгрести.

Выше яблони заползти
зачем желаешь, ожившая точка?
Ощущается небо
лучше всего – при полёте вниз.

Лёгкость вовремя защитит,
её зови – молчаливо – на помощь,
ведь подмога приходит
вряд ли – в ответ на слова и звук.

После – радостно ощутить:
смешны попытки на помощь себя же
призывать... Но при новом
резком падении – вновь молчишь.

(С ветви падает муравей,
свою заступницу – малую массу
призывая беззвучно
перед ударом о твёрдый грунт).

До человека не добросить
стареющий звук глубин;
мечутся приливные щепки,
а ты иди – один.

В начало осени одетых
людей – отличает шум:
ищут собеседника, чтобы
согреть вечерний ум.

Кто в разговоре засмеялся,
разгневал листву морей:
падают стволы звуковые
на души в сентябре.

В шаги береговые метят,
в разнеженное ха-ха –
временем разъеденный шорох,
шипучая труха.

Виктору Іванію

Всыпана в час – разнортица
из чѣрно-белой благой муки,
зачем спрессованы плотно
вкрапленья былой тоски?

Выбрать крупы светлейшие?
Так надо вытрясти всё на свет,
вдыхая облако серых
движений (а прочих нет?)

Донышко есть ли у вечера?
По безмятежности поскрести
ветвями, чтобы дочерпать –
слежавшиеся пути...

В людях безволие выгнавший,
бесхлебный говор засел – во рту;
пора просеять мучицу,
прогнать навсегда беду.

Чему противоположен
голос, похожий на осенний лес?
В траве начинается стрёкот –
похолоданию в противовес.

В противовес потемнению –
облаком снова отражён закат:
едва ли иссякнет способность
противоречить – всему – впазд.

А где для фразы – противник?
Мирное время скоро надоеет.
Ужели ничто не восстанет
за благоденствие здешних мест?

Пейзаж не станет сражаться
против себя, не наломает дров:
просторы притихшие – вечно
не отделяют себя от слов.

Утром над морем произносили:
остаётся надежда на усилье,
подчалив к нам корабли –
заново вспыхнет свет земли.

Лучше с огнём отождествиться
(кто вновь молчаньем погас)
Что пространство? Мельчайшая частица
пламени, брошенного в нас.

Мачты по небу поскрежетали,
забывая о пламеневшем шквале:
внезапной искрой взлетел
(чуждый словам) людской удел.

Мачты царапнут голосовую
длину надводного дня,
высекая: дома и мостовую –
вместо забытого огня.

ЭТО ЛИ РАССКАЗ НЕПОДРОБНЫЙ О СОЛНЦЕ ВРЕМЕННОГО НУТРА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Чувства вряд ли до рассвета станут
существами беззащитными,
потому – освободятся,
отпрянут в майскую глушь.

Небо не утратит лик животный –
и прорвёт игру волнистую
сбережёнными когтями
(они – людская тоска?)

Рябь речная предстаёт смышлёной
сетью, на весну наброшенной:
долго-долго длится ловля,
но всё – спасётся – зверьё.

Участь, подуставшая звериной
поступью ходить по лучикам –
и не вздумает бороться,
себя волной обернув.

Прошлого, свобода, дождись,
если отыщешь бессловесных
существ, живущих как слова мои –
на небеса уставясь.

Пусть в саду кустится печаль,
с мраком огнистый шлейф сплетая;
а люди не следят за прежним днём –
когда родится завязь?

Чтобы новый вырос – пейзаж,
лунным покоем поливаешь
сторожевое зёрнышко зрочка
в глазу ночной собаки –

но в твоём ветвятся саду
только следы звезды летящей
и – завтра не принесшие плодов –
кометные зигзаги.

Видишь движенья глаз, всецело
ведомые замыслом дня:
свобода, на фразах – что рисуешь?
Не говори, что краски стали льдом.

Разве прохожие – случайны?
Глядят на рождественский день,
старательно вкладывая чувство
бесцветных обретений и утрат.

Фрески недолгих любований
взаимы ожиданию – дашь,
прозрачная взглядовая роспись
покроет стены парковой зимы.

Взятое – всё – вернут с избытком
снега запоздалой весной:
ручьи равнозначны взмахам зренья,
разрисовавшим ныне – берега.

Затишье, приветь мошк~~о~~ю
в~~о~~ды, к водам льнущие теплом;
хватит распадаться на части – покою
(сердечней – сделаешь надлом?)

Полям не нужна цикада,
их делить не нужно бороздой,
если вместо главного станешь разлада
зиять пейзажной светлотой.

Надломлено время года:
трещины расходятся во все
стороны теплеющего перехода
росы к начавшейся грозе.

В числе беспокойных трещин –
ветви и фонарные лучи;
голос в предвечернем просторе не встречен,
его отсутствие – смягчи.

К ягодам, слаще всех облаков,
язык предутренный устремляя,
чувствуй лицом – роящийся зов,
маршрут с душой спрямляя.

Тесный полесок, схожий с плотом,
плывёт по шелесту вертикали –
вести везёт на небо о том,
что вёсла потеряли.

Если готовность в небо уплыть –
вознёй укушена мошкариной,
лучше среди деревьев побыть,
горчить себя калиной.

Бьётся о ветры – высохший плот,
листва измотана полукурсом;
сумрак наверх – всегда доплывёт,
хоть мошкарой покусан.

АУ

Грибник окликнет пару гласных,
а если обернутся они
на призыв такой, то устремятся,
спотыкаясь о вечерние пни.

Как убедить родные буквы
в твоих словах – остаться навек,
если тот плутающий схватился
за открытый звук, понятный траве?

Пускай звучание поможет –
и человек сквозь чащу пройдёт
к дальнему прибрежному просвету
(а кого ещё так долго зовёт?)

А после – гласные вернуться
к тебе: так бесконечен возврат
от спасённых человек – к слову;
... а иная вечность будет навряд.

Праздник, обещанный вчера,
утоление приносит не всем,
а простор дурманить к чему –
старым, сильно прокисшим ничем?

Самую малость, лишь бы вкус
ощутить своим язычным теплом –
медленным и узким, как всё,
как застолья заждавшийся гром...

Винтообразно входит дым
в облака, а вот его рукоять –
стиснутый волнами буксир
(больше нечем бутылку открывать?)

Скоро польётся в наши рты
никакая жидкость давних широт –
тот свободен, кто на язык
этих капель почти не берёт.

ДЕРЕВНЯ ВОЛОКУШИ

Тянуть морозную телегу –
какие станут существа?
Этих трудов сторонятся
последние числа февраля.

Ускориться сумело утро,
не утруждая никого;
лямками маленьких ранцев
оттянуты плечи у детей.

Натуга больше не напрасна,
когда колёсным стал пейзаж:
солнечный свет и озёра –
вращайтесь в бесшумной чистоте.

За горизонтом скрылась лошадь,
рассвет внезапно потеплел:
к новому времени года
подтащены зимние поля.

Для фраз желанна – точка,
а на болоте лежит, грустна,
размокшая досочка
(мачта мать ей иль сосна?)

Пусть по доске пружинит,
бросая в небо трясинный след,
внимательный разиня,
ныне не приплывший свет.

Соскальзывает сотни
невзрачных раз – и бежит себе,
ему повсюду – сходни,
это всё – зачем тебе?

Рассказывать, где топче –
безмерно хлюпающей доске?
Постой на многоточье,
на посчитанном песке.

Вонзилась хвоинка в рукав,
булавочной тонкостью пришили
к тебе – смятение ветреных трав:
стебли погоду недопили.

Остатки опасны для нас –
тепло луговое затопляет
молниеносно – движения глаз,
сухостью слабо утоляет.

А что к рукаву приколоть
хвоинка нежданная забыла:
погоду выпьет сосновая плоть,
вкусит разлившегося пыла.

Глаза наполняя теплом
на треть (припасая часть – простору),
спасибо – соснам бездонным найдём,
тихо подколем к разговору.

У садовых засохлых крон
чи усилья безветренно
тянут свой искристый тон,
в своей тишине – уверены?

Разбивая о жаркий сад
воду, шлангами гнутую,
пыли радужной велят
над листьями – длиться нотою...

Повторяй по чуть-чуть её;
капли, в солнце парящие
чувству будут ли – чутьё,
безмолвные, говорящие?

Повторяй, но не сразу всю
ноту с хвостиком веточным –
так держаться на весу
для слова – всегда избыточно.

ВОЛНЕ

Внезапно падает чайка –
перья подсвечены зарёй.
А крылья что тяготило?
Двери с шипеньем открой.

Не примешь, вытолкнешь птицу:
входа под воду для крыла
пока не сделано – или
водная дверца мала?

Прилив протрётся о камни,
вспенятся дыры, в глубину
уйдут, и всякое тело
встретят (но прежде – весну?)

Ведь только так погруженье
может с душой произойти:
потришь волна, о безбрежный
камень в рассветной груди.

Канут растенья в плавный стон,
но без побегов станут – краше,
солнце (у формы) безлиственных крон
к ноябрю укравших.

Раны замажем чернотой –
и в непогоду – сад нарядим?
Чувства политы последней бедой,
станут – междурядьем...

Лучше порезам позабыть,
что – в облаках подслеповатых,
копией неба себя утолить
и садовой ватой.

Дёготь озёрный, ты – муляж
не очень зоркого предгрозя:
тычешься мглою, но душу отдашь –
яблоне и розе.

Вдохов припасла, но не душе –
полночь обрядов мнимых;
грифель в твоём карандаше –
в числе гостей нелюбимых.

Темноте вручаешь – не слова?
Славный момент неловкий.
Свадебкой полнится листва,
всегда весёлой и лёгкой.

Оберни озёрные года
в звёздчатую бумагу:
с этим подарком – прогадай,
идя к затишному знаку.

Над полями полумрак навис,
прожитых дней не нужно:
лучше с подарком – ошибись,
когда на празднике душно.

Слова исходов – вязковаты,
к тоске направлены зря;
в людских ладонях ничто не сжато:
ни древко, ни меч, ни заря...

На волнах – заусенцев много,
шершавость нынче мутна;
пусть будет гладкой твоя дорога,
где тело твоё – тишина.

Иди в ладонь, тебя не тронем
сияньем, ясным душе;
побудь невзрачным теплом сторонним
в ночном штормовом галдеже.

Лучом побудь внутрикаучным,
пока морскую волну
покроем лаковой тьмой, залачим
до блеска, понятного дну.

О ЧИСТОТЕ ЗЕМНОЙ И НЕБНОЙ

ПОД ДЕРЕВОМ

Пустырь копают с восхода
в белых пылевых клубках –
отсветом будь, природа,
глаженным на потных лбах.

Сегодня славная дата:
времени сбежал кусок;
ищут в земле солдата –
он бы изловить помог?

Ни старых гильз, ни погона –
поиск без вести пропал
в душной тени урона,
потерявшей весь запал.

Лопатный звяк обихожен,
в пыль нарядную одет –
праздник пришёл, похожий
на побег недобрых лет.

Всяких припасено анатомий
у ограды на осеннем ветру;
жерди дрожат о доме,
лепестками опавшем к утру.

Были прочны – цветочные стены,
возведённые теплом плющевым:
рухнули – и мгновенным
сквозняком продувается Крым.

Ветви потреплет зов сквозняковый,
понуждающий к движенью – не всех:
вышли в простор на кой вы,
существа, потерявшие смех?

Здесьшний озноб есть правильный орган,
воспринявший перемену погод:
щебет ваш слаб, заторкан;
эволюция гонит – вперёд.

В шелесты безлиственных ветвей
полесок взбирается –
тихо, как люди (солнце, одолей
молчание, если не нравится).

Сплавщики уходят от воды,
грозит потепление
ростом волны, а поиск высоты
спасает людей – и растения?

В майскую погоду – голос влит,
представший текучестью:
– ветер меня несильно утолит,
разливной помучаю участью;

– у реки не гаснувший огонь
быть может, помилую,
с берега если сбросит лесогон –
не брёвна, а фразу осиплую.

ПЕТРОГРАД

Слова огромны до поры –
весенним растрёпаны ветром
(известно: домашние буквы
до добра не доведут).

Над лицами сыреет день;
усилием, время забывшим,
насквозь высота продувается,
будет всякому – уют.

Навечно не достроен дом,
а ты не кончайся, работа;
где нет этажей – там поселится
небо мартовской слезы.

Постукивает мастерок,
ровняются новые стены
на звук, до поры заменяющий
пишмашинку и часы.

Играть не умеют, но пусть:
не страшна такая шалость –
когда сфальшивила струна,
то всё равно дышалось.

Кто детям гитару отдал?
Дворник не находит слова.
Себя со вдохом отыщи –
мятежного, иного.

У пыльного вихря внутри
мечется дворовый веник,
а в звуковой нечистоте –
сутулился, смиренек.

Июльскому утру не быть
парой замутнённых ноток –
и всех вот-вот покроет пыль,
недвижен кто и кроток.

Майский парк под ногой юлит,
намекая хлябью аллеями:
отличительные, полные тьмой –
звуки на душах носим.

Если имя всему – закат,
отчего весенняя стая
отзывается на веточный хруст
взлётом разноголосым?

Трудно веткам терпеть ущерб,
оттого сокрылись в потёмках
и влекут к себе любой полувзвук,
словно всю правду знают.

Майский парк накопил воды –
не признает грязной тропинкой:
древесина сквозь нежданный надлом –
белым нутром сияет.

Бережным ветром разделяя
простор – и пылящий мрак,
время прежде коснётся лая,
лишь затем – ночных собак.

Прежде – стихание, а позже
для формы грядёт урон;
море тоже исчезнуть может,
если ельник оглушён.

Если со звуком кто отдельно –
безвременно канешь в тишь;
о какой чистоте натальной
каждым шагом говоришь?

Сыростью заткнутые дупла
не слышат прибойных фраз:
все пылинки с дороги сдула
ночь, не тронувшая нас.

Вдохновлённый безлюдьем –
ринься на ботву, шурша;
тобою, о миг, уже не будем
(замирает душа).

Всё – рассветом подвигай,
ведь поливу нелегко
остаточной ночью стать безликой
с головой никакой.

Повисает над грядкой
плёснутая из ведра
вода, окрылённая оглядкой
на прозрачность двора.

Замирает над грунтом,
над засохшей зеленцой,
поливным предутренним секундам
возвращая лицо.

РУЧЕЙНЫЙ БРОД

Трясти гусиными лапами,
бормотать над тишиной –
решил теплеющий берег,
шурша о тебе – копной.

Лишь плавным, сохнувшим шорохом
выявить изъян – дано:
ты – не для хладных и жёстких
конечностей, знавших дно.

Вода, ты обувь ненужная,
сброшена с гусиных лап,
в твоём текучем фасоне
допущен прозрачный ляп?

Валяйся ныне под берегом
в ожидании ступни
на луч немного похожей,
подвижной, как наши дни.

Уличным словом о дожде
рассвет понимать не надо:
дома проснёшься, где
не слышно лёгкости сада.

Каждая ставня – это слог,
начертанный против света:
ветер проверить смог
хлопки *и* холодного лета.

Разве легко, забыв кровать,
для комнатной трудной тени –
раньше восхода встать?
На окнах – тьма ударений.

Устное утро за окном
творится проходим ранним,
глухо вникая в дом,
произнесённый по ставням.

Поймано сборище кусачих,
чернеющих тут и там:
малостью такой подначь их –
муравьи поднимают гам.

Тронешь над водами согнутый,
на душу похожий ствол:
стал не схваченной минутой
и до слёз – берега довёл?

Трудно деревьям не толпиться,
а всё же простор блюдут –
над волной нависли лица
по отдельности – там и тут.

Сумрак ощупывает нами
свободу плакучих ив,
стебельковыми тенями
муравейник зарешетив.

Застежки и крючки
простор от холодов не спасут;
полесье, шурши почетче,
сучи ветряную *полусуть*.

Пейзаж, глядящий букой
на всякую одежду, смешон
(небесной своей обувкой
хотя бы немного – сбережен).

Что облака? Подмётки;
годятся для больших холодов,
а при никакой погодке –
поможет ли что-то, кроме слов?

Канат нетрудный вывит
из шелестов протяжной листвы:
привяжешь весенний высвет
к макушке пейзажной головы.

В утомляющем подвале
светом и волн*а*ми возьми – и стань;
замыслом тебя кромсали,
а ты не ропщешь, ткань.

Пусть в проёмчике оконном
до ночи ровняет твои края –
и во взгляде манекенном
всё топчется швея.

(Звуком ножничным и резким
только говорить – о добре и зле)
ходит по твоим обрезкам –
работник ателье.

В двери вынесли полоску
света, не пошедшего на подол;
ноги втаптывают лоскут
в глухой подвальный пол.

Какие чувства шуршат листвою,
ветвятся к частностям дней июльских,
где замысел чудится наш –
в лесных тропинках узких?

Такие чувства – прибрежный край
пусть близоруким потешат ростом;
оглянутся вряд ли назад,
где зреет звучный остов.

Всё завтра скажет: наш враг – разбит,
наш хмель победы – ещё угарней,
не зря столько дней доспевал
костяк гудящих армий.

(Сидел в засаде – шмелиный гуд,
плотнела солнечная завеса;
напал на растенья врасплох,
не видящие леса).

Встречать обветренным лицом
себя, забытого августовским светом –
в затишье что делать ещё верфяном,
в пейзаже, навек перегретом?

Исчез морщинистый мотив;
волна испаряется, нас затаив;
былое в гавань (за музыку вступайся!)
вплывает с торпедой в запасе.

Кормой пристукнутый причал,
вода, побитая тьмой цепного звяка,
где ваша другая щека? Отбренчал
её на гитаре бродяга.

Вчера поставлен под удар
весёлый аккорд, а сегодня – лишь пар
готовит старой поре – глубины мести:
в рассветную драку не лезьте.

ДЛЯ КОНСТРУКЦИИ СТРЕМЛЕНИЯ ТВОЕГО

Трава поляжет иль небо прольётся –
а люди уходят, дрожа;
побывает радостной утварью –
не всякая душа.

У ожидания мало пожитков –
луга и молчащий закат,
а сумело ловко хозяйствовать
в тебе, просторный взгляд.

Куски каких облаков заплённых
решает прогнать с потолка?
Непогоды вряд ли обидятся,
легка его рука.

Одним неспешным движением слёзным –
смогло чистоту навести
в навсегда проясненном зрении,
сказав своё *прости*.

Ни о чём шуршащие пушинки,
кривящие даль – тополя...
Говорка не найти иного?
Вычурна твоя земля.

Пересказа нежные попытки
извечно ведут к одному:
для внедренья твоей истомы –
всё в питательном дыму.

Облако, услышанное мельком,
изложено в устном деньке;
позаботься о всех, округа,
силы нет в былой реке.

Пухом тополиным до отвала
накормлен с подачи словес –
на погоду давить не сможет,
разомлеет водный вес.

Людам, до утра осенним,
похолоданье, не вели –
через парк идти, сутулясь:
пусть посмотрят на свет.

Облако выдаст округе –
и чувство, и всегдашний звук:
это твой костяк пейзажный
перехода к зиме?

Осью озябшего тела
не лучик станет, а земной
шелест нисходящей грусти,
проречённый дождём.

Славно навек распрямиться ,
взглянуть в лицо твоей воде,
загодя узнавшей счастье
вертикального *быть*.

Должное будет время.
Ручьевое – о чём нутро ?
Слабенький шум потока –
простору сотворяет добро.

Блики? Да нет, всего лишь –
чистоты неизбежный пир;
в травных волнах застиран
ручей – до ослепительных дыр.

Сможет отмыть природа
непонятный полям кусок
чувства былого, если
оно – не всеблагой голосок?

Бросишь свободу в травы –
затемнеет пятном на ней
сказанный свет молчаний
и наступивших вовремя дней.

Набросали вещичек
замедляющих движение вдаль;
для погоды кто – волокитчик?
Не душа, а извечный скандал.

Возрастающей массой
разомлевшего тебя тяготят;
за подмогой в облако слазай,
что нетрудно – подхватит закат.

Вновь меняешь жилище,
а куда идёшь, лучистый исход?
Ведь не сыщешь комнаты чище
подметённых свободой погод.

До утра промаячат
густокронные пожитки ветров:
суету осеннюю значат,
переезд до поры поборов.

Не скажет шуршание коры,
зачем маршруту – прикрасы:
на бумаге до поры –
проста картография фразы.

Жара воспаряет на дыму,
не скажут пыльные взлёты:
стоит ли сбегать всему –
от времени душной работы?

По грусти, исчерканной с краёв
нечётким возгласом засух –
вмятый пролегает ров,
ведущий к счастливому часу.

Ветвистой походкой вдоль воды
пейзаж поспешно уходит:
наши души есть следы,
приписаны беглой природе.

Растает несвобода в лучах –
вопросов не выносят тени;
затишьем высоту увенчав,
кто жуёт последнее сомненье?

Относятся вопросы – к заре:
и даже у козы на горе
во рту – пугливый, стебельковый
образ, растворяющий оковы.

Распознавая козий жевок
как форму волокнистой речи
(туда пейзаж траву заволок –
голоду извечному навстречу?)

– ответь себя, идущего вдаль,
молчанье – вряд ли наша печаль;
никто другое не ответит,
если травы вымокли в рассвете.

Сжался над собой, равномерность,
заглушая всяческий лай;
добрых лишь чередований
нашему нутру – выдавай.

От каких ударов согнулся
предосенний день – пополам?
Лучше вместе с поздней пылью –
сумрак домолчать по углам.

Славно, что не выбрано слово –
побывать всеобщей душой;
лишь на свой недолгий голод
воробьи напали толпой.

Кроме воробьиных наскоков –
у двора нет ритмов других
(человеческие фразы
сказаны простору под дых).

ПОЛДЕНЬ В ГОРАХ

Отгрохотал по летним рощам
кто, призвавший огнистый провал?
А что случилось – всё нестрашно, в общем:
мелкий листик пал.

Немые грунты вновь тревожны:
в упор смотреть на почву – разве можно?
Если б знала земля: под стволом
ляжем вниз лицом...

В листке жары – видны прожилки
в образе неподвижных людей:
у каждого зияет на затылке
отсвет лучших дней.

Забудь, листок, о вечном древе,
проросшем лицами в землистом гнев:
люди молча лежат у стены
летней тишины.

Исход раскопан существами –
известными разве кому?
Над зонтом сгущается –
как угроза всему.

На непонятный лад земельный,
всю сухость сметая дотла,
отзвучит финальная,
нисходящая мгла.

(Где дождик с почвенным шуршаньем
старательным кем-то разрыт,
пусть лучи глубинные
превратятся в дары).

Исход казался однородным,
а ныне над сводом зонта –
в недрах тёмной мороси
шевелинётся звезда.

Сдирая молчанье слой за слоем,
лезвийный дружок, держи –
небо стволистое, незлое
силой своей души.

(Назвался рубанком – небывалый
лучик, стиснутый дождём)
Сколько в коре – свободы вялой?
Сыплется душный гром.

По силам старательной удаче –
выстрогать лесной рассвет;
тычется слово в подверстачье,
в стружку дубовых лет.

Пахучим опилочным смятеньем
уготована смола,
в чистую вязкость душу – денем,
прочая жизнь мала.

Свету всякому нужно время –
решить, а стоит ли волочить
лучики в дальнее странствие,
стоит ли дорогой быть.

Внятно сказано нашим домом,
что стены – старше всякой звезды:
первыми двинулись в сумерки,
оставляя нам следы.

(Ладно удалю хвастать дряхлой,
архитектурной тенью ложась:
слово – ни капли не медлило,
к душам отдалённым – шасть).

Кровля шаркает по негладкой
погоде, в тишину уходя –
звёзды, конечно, последуют
несколько минут спустя.

Прильнуть бы к водным блескам,
да испачкано слово в песках,
в глинной грязи, в свете веском,
павшем в смущенье и страх...

Где спрятан клей волнистый,
помогающий всякой воде
липнуть к чистой и нечистой
коже в купальном стыде?

Всегда стыдится тело
неразборчиво льнущих озёр;
слову – плоть осточертела,
нужен другой разговор?

Всё сказанное тут же –
прилипает к июльским волнам,
пусть о чистоте не тужит:
было тревоги сполна.

Природу продрогшую впусивший,
себя второпях воспринять не забудь;
заиграла музыка вкрадчивей и тише –
её услышит радость иль грусть?

Гримасы всегда смотрелись дико,
где над лесом – спешка, страшна и многолика:
подарков ужели не хватит на всех?
Просторы вряд ли вызовут смех.

В твоё восприятье как на праздник
торопятся ветви, огни, облака:
новогодний вечер – пейзажем передразнен
беззлобно, чуть печально пока.

На празднике – музыка продленья
и слова о прошлом в обёртке светотени;
пейзаж потемненьем надзвёздных высот –
изобразит, как время идёт.

ПРОЧИЕ ОТЫЩЕШЬ ДЕТАЛИ

Молча ляжет на ограды
усталость плодовых древес;
грозы незамысловаты,
их для сада немного, в обрез.

Сколько на стволе расседин,
саднящих закатным теплом?
Шорох маслянистый – беден,
недостаточен – льющийся гром.

Утоленье, для тебя ведь
в пейзаже так мало – всего:
дерево от язв избавить
речевое могло вещество?

Для того и замолчали:
надейся на звук простоты,
а на голоса печали
полагаются люди, не ты.

Чаровать решатся доколе
негустые разговоры о днях?
Оборванцы смотрят в поле,
спокойствие переняв.

Даже прозвучавшей прохладце
(о, негромкий переезд сбережём)
отзвук перестал казаться
подоблачным этажом.

Что и говорить о живущих –
удивляются притихшим себе:
будет красота погуще
молчательной гольтьбе.

Забран человек малоснежьем
в любованье погодой лесной:
не грустит о доме прежнем,
казавшемся вышиной.

ЛИГОВСКИЕ КРЫШИ

Беглой звуковой прослойкой
теперь бывает человек
(только тишью далёкой
не станет никогда побег).

Спросишь, в чём моя причина –
и как устроены пласты
в телеволнах грачиных
среди голубиной красоты?

Птицами покой обсижен,
не для него – готов ответ;
вновь становятся ближе –
и тишина, и поздний свет.

В шелесте полно мгновенных,
закатом выданных слоёв:
небо в **крыш**ных антеннах,
меня – несильно обусловь.

Уткнулись в зов безлунный –
ошеломлённые дома:
неужто июльским чувствам
адресована чёткая тьма?

Когда-то половодье
смогли бездушно оттолкнуть,
а ныне – кого попросят
на простор раскалённый подуть?

Кто не желал призывам
и просьбам отвечать речным –
пусть следует за погодным,
обезвоженным взмахом одним.

А тыщи прочих жестов
ждутся ли какой души?
Об этом – и лишь об этом –
предрассветная фраза, тужи.

Отчего просветы между стволами
похожи на газетные столбцы,
выбравшие вновь засиять вестями
о шелесте июльской зеленцы?

И каким несчастьем ныне – упиться?
Свободу именами воскрыли.
Назревает вечный мятеж двулицый,
а ты – одно из этих славных лиц.

А второго не бывало на свете,
о нём всегда печалятся слова,
называя всяко – и даже смертью
(остатки смысла мобилизовав).

Веселится разум, занятый вестью,
когда плотнеет полновесный текст:
не придумать лучшей беды, чем вместе
звучать с тобой, слепительный протест.

Паденье преследует кого?
Вам это безразлично, непогоды.
Отшумело ваше божество
высшей, пока что фразовой породы.

Не этим распаханым лугам,
но подарите взмах – душе – жестокий,
грозами расставив по местам
всяких, забравшихся на лист высокий.

Терпите, едва потяжелев,
всё наравне с таким дождём ладони;
капли не уместятся в числе,
тихие твари скрылись от погони?

Земля предосенняя легка,
хотя заводянеела и впитала
шум дождя и спешку слизняка,
павшего с кустового пьедестала.

Прямые дороги дневные
обучить не могут – нужным скоростям:
идуший до нашего *ныне*,
попадёшь ли в мутное *там*?

Внутри у печурки – извилист,
затемнён отчаяньем – дымковый путь:
так навыки бега развились
у клубов, отправленных в муть.

А в небо зачем? Лишь раскрасить.
Приглянуться может доброму кому.
(Словам усидеть на террасе
нелегко, коль чувство в дыму).

Восток деревенский сформован
дымоходами – по образу ночей,
дополнен раскатом громовым:
всё равно остался ничей.

Хватит крыться в рассветах,
в потёмки, сила – приди,
хозяйствуй в пелене и чувстве,
молчанье ворочая в груди.

Тяжесть поля используй
по назначенью, а то
валяется простор, пылится
(а поле – на самом деле – кто?)

(Столько листьев увядших,
стеблей, несущих долой –
всю массу прежней полужизни,
налёгшей на летний голос твой...)

Весом жухлости травной
на облако надави,
вминая в рыхлую погоду
слезливую дымку нелюбви.

Разве не прогнали давеча?
А к людям идёшь в который раз;
о листве позаботься:
непостоянство, жалей – не нас.

Сам с печалью этой справится –
простору рассказанный восход;
на аллеях не медли:
деревьям помощь твоя сойдёт.

Тополя завязли в шелесте:
недолгим затишьем вызволяй
ослабелые ветви,
переходящие душный май.

Тополя пока подвержены
спасенью, а фразы о судьбе
и тебя – оттолкнули:
от спешных жестов – не по себе.

Не ужиться с затишьем осенним,
других отыщ~~ите~~ жильцов:
поля, оставайтесь пустеющим
домом из нужных слов.

Завлекая волной очевидной
в сиянье – пожить до времён,
вода не зовёт увядающих,
помнящих шелест крон.

Ну а если заходят без спросу,
то водный простор – милосерд
(поэтому фразы и заперты
ныне для прежних черт).

Кто куда, а в наглядную реку –
сбегает негромкость ночей,
из вашего летнего говора
выгнанная взашей.

Громким нам – ответы не дашь,
когда световых так много колдобин;
скажешь словам, родной пейзаж:
зачем – тебе человек подобен.

Высветишь упорством луны
почву, где чувства не видны;
дождёмся зарю иль в сумраке денем –
неощутимость лесных падений?

Лунный свет, лежащий пятном
на поле – зияет вкрадчивой ямой:
лучше туда свалиться днём,
не ощутив глубины упрямой.

Лучше падать, вовсе не зная
имя ночных изменных трав,
рытью отдающих мягкость земную –
вблизи свободы, к душе вплотную.

ПРИХЛЫНЕТ К ДНЯМ ПРЕДМЕТОВ РОДСТВО

Рассуждай о травном исходе:
скользким чем подёрнулись дни твои?
Стороной душа проходит,
лишь в таких полях, где не шли бои.

Безмятежны после сражений
склоны, а покоем нельзя таким
отыскать края блаженной,
чем слова, какие *ничем* кропим.

Луговой упадок – не в травах,
вытолкнутых жухлостью из красот,
даже не в камнях, шершавых
от невидных *тысяча девятьсот*

А в твоём бесчувствии верном
(но на всякий случай – тоски коснись)
ливневым проходит верхом,
ведь внизу – покой, земляная слизь.

НИЩИЙ

Сердятся ветви, ведь к ночи
страницы костровым отдашь
вспышкам, а в слово так хочет
угодить – жестокий пейзаж...

Высмотрит сверху – осина:
на нитях сияет восток.
(Это летит паутина,
ветра разграфлённый кусок).

Жаждут поля и дороги
попасть в утомлённый дневник?
В небо посмотрит безногий,
а деревья кинутся в крик.

Ветер расчерчен на клетки,
куда не вписать голосов;
только молчанье калеки –
это наблюденье для слов.

НЕРЕШЕННОМУ

Сказать ли это кому –
тебя до утра не решили:
простор как назовём – и к чему
небо взмахнуло в слове *или*?

Редет плотская тень,
в рассвете не видишь угрозу;
а что тебе – отталкивать лень,
вечно-пейзажному вопросу?

(Упавший кверху брюшк~~о~~
кузнечик встречает густыми
пинками – навалившийся ком
света, похожего на имя).

А ты лежишь на полях
и смотришь на небо, недвижим:
ничто тебе – рыхлющий взмах,
ставший негаданно чуть ближе.

Вот городской район неизведанный,
слова спешат как времена:
по вертикали домов – и в небо
(цель словесная ясна).

На ветер кто подует, кто сжалится?
Вечерним – час пока не стал.
Что милосердьё? Негромкой фразой
узнаваемый квартал.

Казалось, что весь город облазили,
строенья ввысь проговорив –
и каланчу, и больничный корпус
(утешеньё сотворив).

Откуда покрасненье закатное,
когда не стал осенним – клён?
Конечно, шелестом первых листьев –
ветер больно защемлён.

ВЕСЕННИЙ СНЕГОПАД

Вдоль дорог – каменеет прах,
боги в прошедших временах;
спать птенцам рассказанным – лучше в пухе,
статуи нынче полуглухи.

Люди мягко в себя глядят –
или завтра мягкость нужна иная?
Камни увидят воробьят,
всякую нежность проклиная.

Жесты стелются вдоль земли
(душу в болото завели)
мраморное зренье твердеет слишком:
трудно упиться городишком.

Взгляды памятников – замшим
жестами, проросшими вместо града;
полнятся небом насыпным –
уши в потёмках снегопада.

На привалочной высоте
привлекись озёрами:
мелкие твари в мокроте –
телами шуршат беспёрыми.

Не спеши негодность обрести
световых источников:
разве напрасно, слыша весть,
жужжащих нашли лоточников?

На прилавочном валуне
вечно много *з*авали:
луны в затишном полусне
в ошмётках весь век проплавали...

Не останутся берега
*к*апельными рынками,
наша дорога далека –
затарься, душа, подкрылками.

УСТЬ-ИЖОРА

Видишь пьяную группу?
Странная система идей
у субъектов, горлающих глупо
о своей небесной воде...

(В стадный сумрак коровий
вклинился пейзаж невпопад,
пересверком апрельских церквей
сообщая долгий закат).

Как толпу обозначим,
коль про нас ведёт разговор?
Не лучом проясненным, горячим,
не тобой, весенний разор.

Это здешняя времянь
в образе ненужных бесед –
а её кругозор бессистемен
как налитый в облако – свет.

Олегу Юрьеву

Тихий говор приречный
не становится людьми,
а ветер – это славный навык:
душа, навсегда перейми.

Здесьним мёрзнущим чувствам
не подскажет ли простор
стеблей засохлых – на растопку
найти, замышляя костёр?

Дымом – ветер усвоен,
всякому огню чужой:
пусть со словами вперемешку
клубы загорчили травой.

(Дымом ветер – удвоен:
сил прогорклое число
для вдоха – странную свободу
на треске костра принесло).

Хрупкость даётся тому,
кто забирает счастье мига;
знай, природа, почему
подвижность – одежда мира.

Мена не станет простой,
жизнью назвалась – и прибрежной
рыболовной суетой
продлится, пока не страшной...

Чувства отвлечь, проходя
мимо мгновения улова,
взгляд на волны отводя,
где блещет закат, где новый

блик на речной глубине
ивовой тенью переломлен:
зря застыл, залубенел,
любуюсь на время ловли.

Отпрянут все – от лугов пониклых,
если рты молчаньем свело;
люди поспешают к ночи
добыть своё тепло.

А кто велел пастухам сегодня –
с тем, что всей природы кислей,
обращаться бережливо,
не тратить лишних дней?

Такое время – пустить на розжиг?
Верен предвечерний расчёт.
Лошади воротят морды
и ветер – не прильнёт.

Траву засохлую выпивает
лишь неуголённость костров:
от жары прокисло лето
внутри у стебельков.

Входили толпы гостей,
несли слова о грусти:
зачем от стука дверного
легче будто дышать?

Всё меньше давят на грудь
молчание и время;
в лицо уткнулась и дышит
чуть горчащая пыль.

Как славно – ныне ничем
не помогали фразы:
другими звуками можно
от всего уберечь.

Так часто хлопала дверь,
что сумрак смог столочься;
иного не было смысла
в дом вечерний входить.

ВОЛНА С ДУШОЮ ВЕРТИКАЛИ

Лучше обжечься пищей для жестов,
чем здешней скучной упиваться шкалой;
голоду – мало прошлых сюжетов
(кто время скажет полумглой?)

Шорох дверной немного значит:
к ночи – исток безмерных подначек
пришёл, во рту зажав холодный задор:
давай-ка стань – для всех – простор.

Точка отсчёта мнётся на старом
пороге, не решаясь в слово войти:
примем её? Покажется жаром –
ушедший холод из груди...

Вихревый свет, печенный в метели,
визги волков на спешном отстреле –
корми движение до весёлой поры
кусками сказанной дыры.

Над площадью летишь,
смятый газетный кулёчек –
с пустотой шуршащей внутри
(она – испытатель-лётчик?)

Испытывать на что
можно такую бумагу?
Полдень расшумелся, когда
с предгрозьем затеял драку.

Важней всего теперь –
смыслы твоих траекторий;
нарисуй безвременный знак,
который прогонит горе.

От курса отклонись,
брошенный в ближнюю урну,
ветреным зигзагом черти
затишья благу руну.

ОРЛОВСКИЙ ПАРК

Всё правильно на безлюдном свету:
для чувства – шорох станет поживой;
другие звуки спрятаны здесь, во рту
у всеблагой погоды паршивой.

Присваивай безоглядно, хватай:
не иссякает звук всеохватный –
пускай взлетает выше себя, пускай
живёт вдали от почвы закатной...

Возрадуйся, обладатель всего,
всё правильно сегодня случится;
во тьму не взятый шорох – пленил того,
кто шорохом побыть не боится.

Бесхозности вихревая лафа
творится от земли – в полуметре:
секатором отщёлкнутая листва
валяется на парковом ветре.

Зимний пейзаж ветвями кольша,
лётся день – не в чувство, а выше;
северный ветер коснётся щеки –
талым полусмыслам вопреки.

Если живёшь на вечной границе,
будет голос белоснежно-твёрд;
плачет днями – сад теплолицый,
к небу внимательным всхлипом простёрт.

Рыкнет ветвям собака, завидев
слёзы о былом индивидуе:
разве исчез человек стыковой?
Нет зазоров между днём и мглой.

Рыком – клыкастый мрамор поскален:
значит, образ нужный сообщён
саду в мягком свете проталин,
саду в безвольном смыкании крон.

Полдень славно поскользнётся;
падение лучей – вот нужный миг:
следам нерождённым взгрустнётся
о том, что светом сдавлен крик.

Вместе закричим и всхлипнем,
ветвящейся дерзостью поправ
запрет, налагаемый ливнем:
сминай, душа, безволие трав.

Пуще всяких гололедиц
мешает ходьбе – намокший лист;
лучи размечтались о следе,
который весел и тенист.

Кто следы на всём оставил?
Тверда скользота любой воды.
Ветвями нарушенных правил
шумят смятенные сады.

ВИД ИЗ ОКНА

Дорогой бетонной вдоль залива,
отсутствием мотива
ходит вечер, вминая в дни –
печаль, отпечатки всякой ступни.

(Так много частей у жизни нашей,
что звук затихнет ражий,
станет птичьим, не видным нам
присутствием, данным названным дням).

Что свет не бывает трёхсоставным –
не знали наши ставни
или помнить едва могли,
творящийся запад в каждой щели?

Закату из свежего бетона,
из полумглы придонной,
из молчанья щебетуна –
не имя, а вновь отсрочка – дана.

Неизбежно удачен – берег;
с песнями одна беда:
толпы существ – слова узнали
и музыкой кажется вода.

Загальят, налетят на душу,
всё немедля разучив:
прошлый простор и новый образ
тепла, для которого ты жив.

(И со временем так – бывало,
слышимом в твоей груди:
сделаем так, что не узнают
мотив – разнобойные дожди).

По причине утиной стаи
речка стала хоровой,
петая прежде в одиночку
старательной облачной трухой.

Небо с полем переплетено,
различайте в листьях свободу;
вам не всё по силам рассечь,
себя замолчите полёту.

Озеро под берегом шуршит
неумелостью камышовой:
как распутать ветер дневной
и волю дождя небольшого?

А терпенье спряталось от вас,
не помочь ничем – и словами;
памятно блеснула заря
над чувствами, над узелками.

Не в душе, а только по ночам –
заплетались милые нити;
лезвийным зазря языком –
лучи, о любви говорите.

Ближе к ночи от сердца
отлёг раскалённый простор;
над кустами зачем неотчётливый
белокрылый летит мотылёк?

Что полёт есть конечность
(ушиблена прожитым днём)
ты не знай, если это не вызнали –
времена невозвратной души.

Вместо взмахов полётных –
увидели травму во всём,
обещав навсегда исцеление ,
а не бледно-безвременный вид.

Внятным марлевым мраком
прудов под пожухлой листвой –
обмотают порхание, вспухшее
от ударов о ветер садов.

Остаётся душа предрешённой
лишь в части, мнящей смолчать:
пусть борьба иссякает навечно
в предметах на берегу.

Обмелелой враждою вернее
до цели – вечер дойдёт,
но повержен останется, если
не станет – вовремя – тих.

Не участвуя, знаешь победу,
она – забыла себя,
тем и живо твоё говоренье
у предзакатной волны:

не безветрие, а проявленье
затишной сути всего –
мыслей о безысходном коснётся
быстрее, чем темнота.

СКОРОСТЬ ЧТЕНИЯ

Море – словам не поможет
контуром вечерней дрожи;
кто в тексте, набрякшем водным днём,
увязнет, вычитав только нетрудный гром?

Море на озябших скалах
изображает охоту на внятный звук:
сколько рисунков, отсталых
от происходящего вокруг...

Внятные звуки – не звери:
но в осенней атмосфере
равны начинающим богам,
познавшим участь людей – по сырым слограм.

Места нет в морском гротеске
словам, узнавшим: во всём – неточна вода;
если наскальные плески –
душой затираешь навсегда.

СВЕТ

Увиден полдень слегка замутнённым,
творящийся мартовским склоном;
вешняя просьба – одна
(её называть неверно *тишина*).

Сегодня никто не попросит
идти бездорожьем нашего нутра:
в грязи не пройденных помыслом *просек*
выбери чувства – вчера.

Вчера, замаран прозрачной дорогой,
погоду усилием растрогай:
лучше – слезящийся взгляд
направить на твой попутный снегопад.

Вкрапленья людские и птичьи
в просторной печали были – не ахти;
тела и жесты весенних безличий –
лучше годились в пути.

В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ

Как распутать ветер дневной

(краткий очерк о стихах Алексея Порвина)

Поэзия А. Порвина аутодидактична и медитативна, это свод предписаний, иногда – мантр. Здесь важна обязывающая сила высказывания, его императивность: «очнись», «подумай», «утешься»: «Подумай: сумерки вряд ли вместят / малость молчаний словесных, / а тут – земельный полон взгляд / образов неизвестных».

Поэт чужд всех соблазнов субъективности; «я» в его текстах – всего лишь собирающая линза, и чем она прозрачнее, тем лучше: «здесь на всем – оскомина твоя», «всюду – следы восприятий». Здесь немислим пафос соблазна, смятения, душевного морока: «Своим отсутствием – главным подарком – / приходящий сумрак ошарашь».

Авторефлексивное «ты» в этой лирике – «субъект молчания»; отказ от сумбураности внутреннего мира, от «изнаночной жизни сомнения» парадоксальным образом предполагает и «выбытие из внятности», недоверие к любым чувственным «алфавитам»: «Такие мхи невозможно прочесть, / слишком беззвучны берёсты».

Искомое: «слаженная прозрачность», «слоистый ветер», «цветение» – мир, который можно «похвалить». Для этого надо суметь «свечереться», совпасть с самим собой в слове: «Человек есть лишь способ для спички – / вспышкой ударить в холода? / Лучше вы себя обезличьте / как ночная тьма – по образу *всегда*».

Но слово для Порвина – не очевидная ценность: в нем много «грубых касаний», оно может быть «плотским» и даже «испачканным»: «Именем обновленным сдвинешь / не любой предмет, не любого себя». Слово «не выбрано» «побывать всеобщей душой», и это хорошо: «плод в пословесной кожурке» может скрывать пустоту.

Наивное, «внятное» поэтическое слово здесь заменено единством «чувства» и «фразы». При этом «чувство» – менее всего сантимент; «обнимающее», «распахнутое», «отвернувшееся от голоса», оно предстает фокусом самых разных проявлений субъективности: «чувство схоже с поздним двором, / где ты немногими узнан».

Так понятое «чувство» – это и «топос», и связь между «топосами»: «Теплой темнотой нацвиркай / долгожданный замер / чувства, оказавшего дыркой, / куда утекает сквер». Однако «чувство» – это не только «проем», но и заплата: «темнота многоперстее / чувствами латает сквозняки / и в мгновениях – отверстия».

Порвинская «фраза» – тоже не совсем словесная формула. В разных контекстах «фраза» подсказывает, на что смотреть, «из фразы» «засевают закат»; «фразу» «омрачает волна», у нее просят «времена» и т.п. «Фраза» – маркер смысловой расчлененности мира, нечто противоположное «клею» готовых связей.

«Фраза» – состояние внутренней собранности слова, которое обретает способность «пристально смотреть», «прощать», «все перешагнуть, что страшное». «Фраза» – то, что позволяет слову вобрать «простор»: «Землю с небом вобрать вперемешку / лишь в чистом поле удаётся словесном, / спешку подавляя зренья».

И «чувство», и «фраза» устремлены у Порвина к «жидкой форме бытия», к миру в «цепких каплях дождей». «Растекающаяся» реальность – живая, многовариантная, провоцирующая – единственно интересна: «Чистой лаской – холод ручьевого / вцепился в рот, тишину почуяв: / теченью – применять не впервой / метод цепких поцелуев».

Красота может «хлынуть» через «брешь» в «рассуждающей стене», в «воду пейзажа» можно «нырнуть», а в «словесную промоину» – «провалиться»; «глубины / везде, и даже облако = дно»: «Мало – глубин воды, огня, земли: / строение мира, под погодой / ты роешь смыслы, чтобы смогли / мы все упасть? Смелей работай».

Отсюда – два характерных смысловых хода: открытие слоя под слоем и обнаружение детали в детали. «Слои листвы», «слои мельтешения птичьего», «слои шелеста» превращают созерцание в шелушение, «сдирание» покровов вещей: «Плотницкое дело есть метод / смотреть в предметы, узнавать себя внутри».

Деталь – последнее прибежище «навсегда проясненного зренья»; многократно опосредованная рефлексией, у Порвина «предметность обглодана до самых лучей»: «Чтобы новый вырос – пейзаж, / лунным покоем поливаешь / сторожевое зернышко зрачка / в глазу ночной собаки».

Реальность в этой поэзии создана исключительно семантическими связями; «художественный мир» как набор предметных констант, существующих вне слова, здесь непредставим. Сдвиг референтных связей, всякий раз новое соотношение слов и вещей – главный способ сконцентрировать переживание.

Погруженный в мир вещей, поэт занят прочерчиванием их взаимных тяготений; переназывание реалий и проблематизация их признаков – характерная примета этого занятия: «Ржавчина разъедает волны – / назови ее прошлогодним листом / или отражением утра: / дыра все равно – в пруду».

В создании семантических шифров обозначаются несколько стратегий. Одна из них связана с появлением в тексте своего рода ассоциативной парадигмы, которая, в отличие от развернутой метафоры, предполагает постоянную смену признаков сопоставления и растождествление соотносимых реалий.

Характерный пример – стихотворение «Чувство твое не отлично от многих». Здесь два полюса – субъектный и объектный – связаны через образ поедаемой плоти. При этом каждый из полюсов дан в нескольких проекциях: «прожорливый климат», «верхний простор», «звериная жара» – «плоть чувства», «состав души», «мясо маков».

Этот двойной ход – связывание и расподобление реалий – позволяет решать две основные задачи. Первая – фокусировка значения. В стихотворении «Вечерам вручен – единственный труд» так конкретизируется топос: «выпасать просторы» – «выгнанные пространства» – «луга душевного света».

Вторая задача – расщепление ассоциаций. В стихотворении «Сутроб, ты – обобщенье выстрелов» «снегопад» разнимается на ряд ассоциативных линий: это линия оружия: «жерло», «выстрел»; линия причин: «источники войны», «нутро войны»; линия мужества: «сдавшийся пейзаж», «переход атаки».

Отсылка к сложному узлу ситуативных связей создает двойное смысловое, обуславливает появление альтернативных истолкований текста или отдельных его частей: «Мы тоже значимся внутри плода: / а кто мы – в свете садовом? / Мякотные трещинки, червяки / или невнятные соки?»

Игра со значениями возвращает поэта к дорефлективному единству мира, открывает возможности для перераспределения акцентов внутри лирической ситуации. В основе образа оказывается множество разнонаправленных метонимических сдвигов, отменяющих узнаваемые связи вещей.

Самая простая модель такого сдвига – описание детали ситуации в терминах целого, и целого – в терминах детали. Так в тексте о сыром осеннем вечере появляется «промокший разговор», в миниатюре о деревенской комнате – «дошчатый свет», а в стихотворении о городских окраинах – «нашатырный квартал».

Эти сдвиги иногда создают целый ряд последовательных смещений, показывая и спаянность признаков внутри ситуации, и неравновесность любых связей в ней: «Кошка в солнечном пятне / недовольно дергает хвостом, / словно размещивая террасный / нагретый треск, загустевший вглубь».

Главный результат опытов такого рода – эффект упразднения субъект-объектной оппозиции, выход в поле «медиума», где бывшие полюса многократно опосредуют друг друга: «Ветер вращается в жаре, / на себя ответственность приняв / за фразы прохлады пернатой, / за ничью крылатую хрипотцу».

В лирике Порвина этот ход порождает два значимых следствия: такое использование олицетворений, когда субъектность оказывается едва ли не сведена к грамматической условности, и активное освоение «инструментальных» метафор, помещающих «я» в непривычный «вещный» контекст.

«Сумрак», надев «лиственный простор», «сидит под деревом»; «тепло своевольно смотрит»; «пейзаж» «топчется в межрамной духоте, не решаясь войти». Человек сведен здесь к состояниям – причем не своим, а мира: «Ощутите шорохом в пепле, / знайте затишьем в феврале: / первое в пошаговом пекле – / это человек, пригнувшийся к земле».

Эти изменения захватывают и слово, которое обретает способность к овеществлению («отдать бы под охрану свое *ничье*», «домой вернемся, в жданное слово *тоска*»), а вместе с тем обнаруживает условность любого соотношения с вещами («где сок созревшей волокиты, / называемый тобой – *добро?*»)

Мир, в котором столь значимы семантические нюансы, структурен, но не фактурен; строй вещей здесь важнее формы. Оттого единственный повторяющийся мотив связан с «анатомической» слагаемой реальности – это «волокна» и «нити»: «Лучше смолчать, чтоб стало пряжей – / не слово: столько кругом лежит иных / нитей».

«Волокна» могут прочитываться как «мякоть» вещей: «Свежее мясо полуденных маков / пластают, разделяя на тоску / и северный ветер», а могут интерпретироваться как «текстиль»: «Скорость корпела над узором», сплетая «пыльные шорохи, травы и мельканье / деревенских нагретых домов».

Образ «ткани» при этом соотносим с самым широким кругом реалий: «влажные нити борозды» «разматывает плуг»; «над речной отсырелой душой» «сплелись волокна нежности поздней»; «небо с полем переплетено», не «распутать ветер дневной»; из «тряпицы наших имен» не «выдернуть нить».

«Текстильный» мотив получает многолинейное развитие, обнаруживая целый ряд иносказательных проекций, связанных с «выжиманием» («набряклый сыростью разговор – / разок перекрутит, выжимая, / березняк»), «глаженьем» («на ожидании с узором тканым / складочку грусти проутюжь») и т.п.

«Вытканый рисунок временной» связывает разные проявления «текстильного» мотива, а вместе с тем выявляет его ключевую роль в характеристике равного миру пейзажного «простора»: «Внятным марлевым мраком / прудов над пожухлой листвой – / обмотают порхание, вспухшее / от ударов о ветер садов».

«Парусная погремушка», «полотнища звучаний» учат голос «вращать в себя», «бессловесностью обращаться к душе». «Забранный в любованье», поэт адресуется к волне, шмелю, перемене погоды. Следуя за ним, читатель тоже может ненадолго увидеть себя в роли того, «кем вечер выбрал побыть».

Александр Житенев

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЖИДАТЬСЯ ЕСЛИ ПРАВИЛЬНЫХ МОРЕЙ (Эпиграф)

6

ДОЖИДАТЬСЯ ЕСЛИ ПРАВИЛЬНЫХ МОРЕЙ

- «Плачешь, звучная сила...» 8
«Участь будет прибрежным краем» 9
В ГОРАХ 10
ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕОРИИ АДА 11
«Прошедший холод сберегаешь ...» 12
ОБНАЖЕНИЕ 13
«Косьба травы вокруг надгробий...» 14
«Не всякие матерьялы уютны...» 15
«Пусть неизбежность...» 16
«Под шумок кошачьих снов...» 17
«Хоть светлый, хоть зверский холод...» 18
«Живущий в пучинном посёлке...» 19
ОЖИДАНИЮ ВЕСНЫ 20

МОЖНО СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ ПРОВОРОНИТЬ

- «В деревьях павших растёт...» 22
«Во тьме – от чего защищаться...» 23
«Наши боги честнее...» 24
СНЕГОПАД 25
«Чувства на всех, конечно, хватит...» 26
«Материал слегка потрепан...» 27
«Звук вечерний – чист, золота – копна...» 28
«В окно стучит индеVELO...» 29
РАБОТНИК ЛОДОЧНОЙ СТАНЦИИ 30
К ПЕРЕМЕНЕ ПОГОДЫ 31
«Тяжело события на свет бредут...» 32
«Шпили стремятся несильно...» 33
«Себя оценишь, высота...» 34

ПУСТЬ ЛОДКИ ПРОПЛУВУТ ЧУТЬ СЛЫШНЕЙ

- СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ 36
ОБЛАСТНОЙ АЭРОДРОМ 37
У ПЛАТФОРМЫ 38
«Всюду следы восприятий...» 39
ОЖИДАНИЕ 40
О СМЫСЛЕ ПРИВЕТСТВИЙ 41
КУДА ОТПРАВЛЕНА РОДИНА 42
ПАЛЬ 43
«Именем заменяй концовки...» 44
БАЛТИЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ 45
«Не видно огненных зигзагов...» 46
«Веселье, клубами взлетая...» 47

О ЗВУКОВОМ БЫЛОМ УРОНЕ

- «Молкнет верста, слегка перната...» 49
«Чувством, обделённым датами...» 50
СЕННОЙ РЫНОК 51
«Грядут моря, а ныне – снег да гладь...» 52
«Растрочен ивняковый наклон...» 53
«Сверяться с заоблачным хаосом...» 54
«Льнёт к словам твоя причуда...» 55
ВИДАМ НЕИЗБЕЖНОСТИ 56
КРЕСТОВСКИЙ ОСТРОВ 57
«Нет-нет, другое имя...» 58

ВРЕМЕНА ГОДА 59
ОСЕНЬ 60
ПРОСТРАНСТВУ 61
«Выселенная осина...» 62
«Стены загона – сломались...» 63

ПОСПЕШАЮТ ЛОДКИ БЕРЕГ ЖДЁТ И ЖДЁТ

КОСТЁР 65
«Упал простор, засохший от влаги...» 66
«Кто выгнал пчёлку с людного пляжа...» 67
«Приставлен лейтенант...» 68
ЗАЛИВ В МАРТЕ 69
«Скворцы пришли горлопанить...» 70
«Здесь на всём – оскомина твоя...» 71
«Ослабелый фонарный свет...» 72
«Силами, говоримыми скоростям...» 73
«Палатка, слова о прошлом...» 74
«Фразы, пророненные о чувстве...» 75
«Осанкой старческой – волны...» 76
«Людское примиренье кому солжёт...» 77

СКОРО БУДЕТ ПОЛДЕНЬ ДОСТРОЕН

«Лезвийным сверканием январским...» 79
«Плотам – спасибо, если подобны...» 80
«Жуки несут безденежье осеннее...» 81
«Если ветви это единицы...» 82
«В зрении, залитом солнцем лесным...» 83
«Обильем работ дорожных...» 84
«Забурлил в пастушьей дудочке...» 85
ДАЧНЫЕ ВИШНИ 86
ОБОДРЕНИЕ 87
«Идти простором мимовольным...» 88

СОЛЁНЫЙ ВЕТЕР ВЕРХНИХ ЧАСТОТ

«Сумел уцелеть притихший сад...» 90
«Ничего важнее плоти...» 91
НОВЫЙ ГОД 92
«Залиты идеями – облака...» 93
«В словах – древесное старение...» 94
«Пляж от блеска вымыть...» 95
«Мальчики с утра твердят о звере...» 96
НА ВПЛЫТИЕ ЛИНКОРА «АЛЕКСАНДР» 97
«Новым понятием воды утешься...» 98
«Смыслами смущается неисправными...» 99
«Что – дом? Древесным ящиком...» 100
«В беспамятном затишном краю...» 101

НА ЯЗЫКЕ ТАК МНОГОСЛОЕН

«Чувство твоё не отлично от многих...» 103
ИЮЛЬ 104
«Молчать к чему? Вот-вот разрастётся...» 105
ОБРАЩЕНИЕ 106
«Что затишье? Онемел пейзажик...» 107
«Сохраняет пейзаж своё обличье...» 108
«Лучи извечно кривятся...» 109
«Лошади мотнут головами...» 110
«Уточняя объятья травны...» 111
«Плющ коснётся души, минуя все...» 112

ПОЛУКРУЖЬЕ КОРАБЕЛЬНОГО РЕБРА

- «До отлива – ждуть недолго...» 114
«Когда садовый вечер перегружен...» 115
«Протяжное поле – не себе пожелай...» 116
«Подальше клячу за деревню...» 117
«Во всём, что касается дней плодовых...» 118
«Вода ещё вчера отступила...» 119
«Мелькают руки в соседской тьме...» 120
«Всё ясно с летним пейзажем...» 121
«Чему учиться у оружия...» 122
«Судёнышки швартуются...» 123
«Выше яблони заползти...» 124
«До человека не добросить...» 125
«Всыпана в час – разнорослица...» 126
«Чему противоположен...» 127
«Утром над морем произносили...» 128

ЭТО ЛИ РАССКАЗ НЕПОДРОБНЫЙ О СОЛНЦЕ ВРЕМЕННОГО НУТРА

- КОЛЫБЕЛЬНАЯ 130
«Прошлого, свобода, дождись...» 131
«Видишь движенья глаз, всецело...» 132
«Затишье, приветь мошкю...» 133
«К ягодам, слаще всех облаков...» 134
АУ 135
«Праздник, обещанный вчера...» 136
ДЕРЕВНЯ ВОЛОКУШИ 137
«Для фраз желанна – точка...» 138
«Вонзилась хвоинка в рукав...» 139
«У садовых засохлых крон...» 140
ВОЛНЕ 141
«Канут растенья в плавный стон...» 142
«Вдохов припасла, но не душе...» 143
«Слова исходов – вязковаты...» 144

О ЧИСТОТЕ ЗЕМНОЙ И НЕБНОЙ

- ПОД ДЕРЕВОМ 146
«Всяких припасено анатомий...» 147
«В шелесты безлиственных ветвей...» 148
ПЕТРОГРАД 149
«Играть не умеют, но пусть...» 150
«Майский парк под ногой юлит...» 151
«Бережным ветром разделяя...» 152
«Вдохновлённый безлюдьем...» 153
РУЧЕЙНЫЙ БРОД 154
«Уличным словом о дожде...» 155
«Поймано сборище кусачих...» 156
«Застежки и крючочки...» 157
«В утомляющем подвале...» 158
«Какие чувства шуршат листвою...» 159
«Встречать обветренным лицом...» 160

ДЛЯ КОНСТРУКЦИИ СТРЕМЛЕНЬЯ ТВОЕГО

- «Трава поляжет иль небо прольётся...» 162
«Ни о чём шуршащие пушинки...» 163
«Людам, до утра осенним...» 164
«Должное будет время...» 165
«Набросали вещичек...» 166
«Не скажет шуршание коры...» 167
«Растает несвобода в лучах...» 168
«Сжался над собой, равномерность...» 169
ПОЛДЕНЬ В ГОРАХ 170

- «Исход раскопан существами...» 171
 «Сдирая молчанье слой за слоем...» 172
 «Свету всякому нужно время...» 173
 «Прильнуть бы к водным блескам...» 174
 «Природу продрогшую впустивший...» 175

ПРОЧИЕ ОТЫЩЕШЬ ДЕТАЛИ

- «Молча ляжет на ограды...» 177
 «Чаровать решатся доколе...» 178
 ЛИГОВСКИЕ КРЫШИ 179
 «Уткнулись в зов безлунный...» 180
 «Отчего просветы между стволами...» 181
 «Паденье преследует кого...» 182
 «Прямые дороги дневные...» 183
 «Хватит крыться в рассветах...» 184
 «Разве не прогнали давеча...» 185
 «Не ужиться с затишьем осенним...» 186
 «Громким нам – ответы не дашь...» 187

ПРИХЛЫНЕТ К ДНЯМ ПРЕДМЕТОВ РОДСТВО

- «Рассуждай о травном исходе...» 189
 НИЩИЙ 190
 НЕРЕШЕННОМУ 191
 «Вот городской район неизведанный...» 192
 ВЕСЕННИЙ СНЕГОПАД 193
 «На привалочной высоте...» 194
 УСТЬ-ИЖОРА 195
 «Тихий говор приречный...» 196
 «Хрупкость даётся тому...» 197
 «Отпрянут все – от лугов пониклых...» 198
 «Входили толпы гостей...» 199

ВОЛНА С ДУШОЮ ВЕРТИКАЛИ

- «Лучше обжечься пищей для жестов...» 201
 «Над площадью летишь...» 202
 ОРЛОВСКИЙ ПАРК 203
 «Зимний пейзаж ветвями колыша...» 204
 «Полдень славно поскользнётся...» 205
 ВИД ИЗ ОКНА 206
 «Неизбежно удачен – берег...» 207
 «Небо с полем переплетено...» 208
 «Ближе к ночи от сердца...» 209
 «Остаётся душа предрешённой...» 210
 СКОРОСТЬ ЧТЕНИЯ 211
 СВЕТ 212

А. А. Житенев. В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ. *Как распутать ветер дневной. (Краткий очерк о стихах Алексея Порвина)* 213